

Юрий Крутских

КАМРАНЬ

ИЛИ НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПОДВОДНИКОВ ВО ВЬЕТНАМЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Николаевич Крутских Камрань, или Невыдуманные приключения подводников во Вьетнаме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63975587

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец восьмидесятых, закат СССР... Во вьетнамском порту Камрань несёт боевую службу старенькая советская подлодка. Долгие месяцы вдали от Родины на переднем крае Холодной войны... Книга Юрия Крутских – о морской службе, о весёлом и грустном, с флотским юмором и убойной порцией адреналина. Напряжённое и увлекательное повествование от участника событий. Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Камрань, или Невыдуманное приключение подводников во Вьетнаме

Глава

От автора

Уважаемый читатель! Позвольте без лишних сантиментов с флотской прямолинейностью сразу ввести вас в курс дела. Целью моего труда является описание событий, происходивших во вьетнамском порту Камрань в те достопамятные времена, когда советские подводные лодки ещё бороздили просторы мирового океана, вызывая чувства уважения и страха у наших империалистических врагов. Я не профессиональный писатель, литературных институтов не заканчивал, жизнь и флотскую службу постигал изнутри, поэтому представляю всё как есть – без лакировки и приукрашивания. Хочу заметить, что книга эта – не мемуары, а вполне себе художественное произведение, и я постарался сделать так,

чтобы читалась она с интересом и легко: здесь и флотский неподражаемый колорит, и яркие характеры, и динамичное повествование... Но будьте осторожны! Погружения, всплытия, аварийные тревоги и прочий экстрим – это, конечно, да, но флотский юмор – вот что самое опасное! Я категорически не рекомендую читать книгу беременным и тем, у кого слабое сердце. Ещё прошу сильно меня не ругать за редкие, но всё же встречающиеся крепкие выражения. Наш повседневный разговорный язык далёк от рафинированного, ханжески стыдливого языка высших сфер. И, повествуя о флоте, о его реальных, живых людях, невозможно в некоторых местах не употребить колоритные, придающие дополнительную сочность образу или ситуации, совершенно уместные словосочетания (естественно, что только в контексте, оправданном художественной необходимостью).

Ну а если ещё что-то не так, то сделайте скидку на моё рабоче-крестьянское происхождение, а также хоть и высшее, но всё же минно-торпедное образование. Все имена-фамилии являются вымышленным, совпадения – не более, чем случайность.

А теперь – за чтение! Даю слово офицера – скучать не придётся!

Не служил бы я на флоте,
если б не было смешно.

(Из флотского фольклора)

Пузо в масле, нос в тавоте,
но зато – в подводном флоте!

(Оттуда же)

1

Глубоководное погружение

За бортом плескалось и булькало. Постепенно растворяясь в сгущающейся темноте чёрная громадина корпуса субмарины медленно уходила в глубину. Солнечный морозный день, синее небо, шумы моря и ветра – всё это осталось там, наверху, и теперь существовало лишь в воспоминаниях. Стрелка глубиномера неспешно скользила вниз по циферблату. Что-то завораживающее, сладостно-тревожное было в этом неумолимом падении.

– Седьмой отсек осмотрен, замечаний нет, глубина сто метров!

– Есть седьмой, – гулко, словно с того света, голосом старпома прохрипел центральный.

Замечаний нет – это, конечно, сильно сказано. Если приступить к перечислению их всех, на это уйдет часа два, но толку не будет – о них и так все знают, так как в центральном посту происходит приблизительно то же самое. Так же, как и у нас, ещё с перископной глубины, там начался дождик. Через изношенные сальники клапанов и забортной арматуры

внутри лодки неумолимо сочится морская вода. Интенсивность протечек с ростом наружного давления всё возрастает.

Нельзя сказать, что льёт как из ведра, но боцман, сидящий на рулях глубины, предусмотрительно накинул на плечи плащ-палатку.

Но не везде дела обстоят так плачевно. Ещё раньше, едва только по отсекам разнеслось: «Приготовиться к погружению, осушить трюма, выгородки, цистерны грязной воды, сточного топлива, продуть баллоны гальюнов, вынести мусор!», мы, обитатели седьмого отсека, приняли соответствующие меры предосторожности: скатали с коек матрацы, сложили их и всё, что не должно было намокнуть, в сухом надёжном уголке – в самой корме, в аппендиксе между торпедными аппаратами. Потом в местах наиболее вероятного поступления воды расставили вёдра и подвесили на подволочные клапаны несколько пустых банок из-под регенерации. И вот, подготовившись таким образом к возможным неприятностям, сидим, благоговейно устремив взгляды на мертвенно светящийся в полумраке отсека зеленоватый круг глубиномера, и сквозь капель, звонко цокающую в расставленные сосуды, напряженно прислушиваемся к переливам воды и таинственным звукам за бортом.

Шутка ли – идём на глубоководное погружение! Это своеобразный экзамен, который должна пройти каждая подводная лодка, готовящаяся к выходу на боевую службу. Необходимо погрузиться на предельную глубину и, оставаясь там,

пройти несколько часов полным ходом, совершая различные манёвры и пристально наблюдая за поведением корабля. Затем надо успешно всплыть, что, как вы понимаете, тоже немаловажно.

Ради чего это делается? Не с целью же заготовки для нужд фармацевтической промышленности выработанного моряками адреналина? Конечно нет, хотя добра этого там хватает и становится порой жалко, что пропадает оно почём зря. Цель тут одна – проста до примитива и прагматична до скаредности. Во-первых, чтобы убедиться, что и там, в условиях экстремального забортного давления, все системы и механизмы подводного корабля работают нормально. Прагматизм же заключается в том, что если что-то и лопнет, отвалится или просто сломается, не выдержав испытания на прочность, то починить всё можно будет в специализированном заводе, который находится тут же, буквально за углом. Если же скрытый дефект не обнаружится и поломка произойдёт в океане, за много тысяч миль от базы, то все ремонты обойдутся неизмеримо дороже (если, конечно, будет ещё что ремонтировать!).

Между тем стрелка глубиномера продолжает скольжение по бледно-фосфорному полю циферблата. К привычным звукам за бортом постепенно прибавляются новые. На глубине сто сорок метров корпус обжался и время от времени начал явственно потрескивать. Нитка, предварительно туго натянутая от борта к борту, дала слабинку и немного провисла

посередине. Кое-где вода в ёмкости уже не капает, а, журча, стекает вполне ощутимыми струями. Что поделаешь, кораблю почти тридцать лет, капитального ремонта не было давно, скорее всего – никогда, а текущие и различные внеплановые – это обычное латание дыр!

– Глубина – сто пятьдесят! – под мелодичные звуки капли следует очередной доклад в центральный пост.

Прохрипев обычное:

– Есть седьмой! – центральный с сухим щелчком отключается, и в отсеке вновь восстанавливается журчащая тишина.

Прислонившись ухом к ледяной трубе торпедного аппарата, я пытаюсь услышать звуки моря за бортом. Фоновый шум со временем изменился. Куда-то пропали сухие потрескивания креветок. Может быть, на такой глубине они уже не водятся?

Вдруг гулкую тишину отсека пронзает резкий, охлаждающий внутренности металлический скрежет, как будто в напряжённых связях железных конструкций за бортом что-то не выдержало огромной нагрузки и, получив долгожданную свободу, хлёстко лопнуло или от чего-то оторвалось.

– Бр-ррр... – Дрожь, пронизывающая и неприятная, сродни той, которая возникает при резке тупым ножом пенопласта или от трения куском железа по стеклу, заставляет непроизвольно содрогнуться и податься с места. Вовремя взяв себя в руки, чтобы сгрудившиеся вокруг матросы не

заподозрили признаков замешательства у своего командира, я не спеша встаю, обхожу отсек и, склонившись к «Каштану»¹, спокойным, совершенно бесстрастным голосом (чего это мне стоило!) произвожу необходимый в таких случаях доклад:

– Центральный! Резкий металлический звук по правому борту в районе ЦГБ2¹ номер девять, выше ватерлинии... отсек осмотрен, замечаний нет... глубина сто семьдесят метров...

С чувством облегчения от осознания выполненного долга и от того, что дальше с этой ситуацией предстоит разбираться не мне, я вновь усаживаюсь в кресло с видом на глубиномер и с надеждой смотрю на эбонитовую коробку «Каштана». Я совершенно уверен, что после такого происшествия последует команда на всплытие.

Но нет. Весьма похоже, что, несмотря на эффектный шум и душещипательный антураж, данное событие в центральном посту никого особо не встревожило. Как я потом узнал, такое часто случается при погружении на старых лодках. Это отрываются плохо приваренные или проржавевшие листы лёгкого корпуса или крепления, которыми он жестко связан с прочным корпусом, не выдерживающие нагрузок при обжиге. Но погружение на всякий случай приостановлено, по трансляции раздаётся обычная для подобных случаев коман-

¹ Название системы внутренней общекорабельной трансляции.

¹ Цистерна главного балласта.

да «осмотреться в отсеках», и после приёма докладов о том, что везде всё нормально, сползание в бездну продолжается.

Глубина сто восемьдесят... сто девяносто... двести!.. Наша цель – двести пятьдесят метров! Это рабочая глубина подводных лодок нашего типа, предельная двести восемьдесят, но на такую глубину старые лодки посылать уже не рискуют.

В перерывах между осмотрами корпуса и докладами в центральный пост мы успели посвятить в подводники двух карасей, прибывших в экипаж пару недель назад. Это их первое погружение, и надо же, как повезло – сразу на предельную глубину! Счастливики! По заведённой традиции, новобранцам пришлось выпить по полному плафону вкуснейшей забортной воды, нацеженной из самых девственных глубин солёного Японского моря. Сейчас новоявленные подводники сидят бледные, икают и из последних сил борются с приступами подступающей рвоты. А что делать? Незыблемые флотские традиции! Все через это проходили, и никто ещё не умер.

В трюме переливается накопившаяся вода. Надо бы откачать, да поздно. Помпа может справиться с забортным давлением только до ста метров, а уже за двести! Немного осталось! Напряжение предельное, кажется, сейчас что-то оборвётся в натянутых связях внутри организма или звонко лопнет какая-нибудь ненадёжная пружинка.

Глубина – она, как скорость, захватывает. Это как на ма-

шине, когда давишь на педаль до отказа: сто пятьдесят, сто шестьдесят, сто восемьдесят... двести!!! Сердце выскакивает из груди, ты весь сливаешься в единое целое с машиной. Каждую неровность дороги ощущаешь собственной кожей... На глубине – то же самое.

– Глубина двести двадцать! Осмотреться в отсеках! – вновь доносится из центрального замогильный голос старпома.

С увеличением глубины протечки вроде ослабли, да и в трюме воды, кажется, уже не прибавляется. Вновь делаю ритуальный обход по периметру и заученно докладываю в центральный пост:

– Седьмой отсек осмотрен, замечаний нет, глубина двести двадцать!

Доклады из всех семи отсеков следуют один за другим, и старпом едва успевает отвечать на них своё вездесущее:

– Есть!

Между тем нитка между бортами провисла ещё больше, и уже не верится, что несколько минут назад она была туго натянута. Корпус продолжает неприятно потрескивать под давлением всё большей и большей силы сдавливающих его объятий. То гулками постукиваниями, то металлическим скрежетом отзывается он на испытываемое предельное напряжение. Проходя мерзкими вибрациями по железу корпуса, а затем по всему организму, каждым звуком этот груз наваливается на человека.

Взгляды уже не прикованы к стрелке глубиномера, глаза самопроизвольно поднимаются наверх к низким сводам подволока. Не хочется думать, сколько десятков или сотен тонн ледяной воды держит сейчас на себе эта нависшая, вся в клапанах и трубопроводах, конструкция. Насколько надёжно она защищает нас от чудовищного давления? И всё сильнее ощущаешь тяжесть и смертельную опасность этого водяного столба над головой. В голове непроизвольно возникают мысли:

– Выдержит? А как если вдруг...

А что под нами? И там не легче! До грунта – пара трамвайных остановок – что-то около двух километров! Зачем глубоководное погружение планировать на такой большой глубине? Ведь если что-то случится и лодка провалится за предел, шансов спастись не будет совсем. Хотя, если честно, случись что-нибудь даже и на гораздо меньшей глубине, на тех же двухстах пятидесяти метрах, то шансов спастись будет ровно столько же. Аварийно-спасательное снаряжение подводников рассчитано на выход с глубины всего лишь до ста метров. Таким образом, получается, что, выбирая место для глубоководного погружения и, соответственно, глубину под килем, в штабе флота, скорее всего, исходили исключительно из гуманных соображений: чтобы в случае катастрофы люди долго не мучились. А так, если что – хлопок, корпус сплющит со всем содержимым – и дело ясно: снимай экипаж в полном составе со всех видов довольствия. На мень-

шей глубине всё равно спасти никого не получится. Но люди могут ещё жить в затонувшей подводной лодке, страдать, на что-то надеяться неделю, а то и две, пока не замёрзнут или не задохнутся.

Именно так и произошло на «Курске». Лодка затонула вообще на ста метрах, и, тем не менее, спасти никого не удалось. Справедливости ради должен заметить, что спасти не смогли не потому, что не умели или не хотели, а потому что танком прокатившиеся по флоту девяностые не оставили камня на камне от АССЗ¹, и для полномасштабной спасательной операции не было ни сил, ни средств. Остаётся только догадываться, как провели эту последнюю неделю обречённые на гибель подводники, какие чувства они испытывали, находясь в крошечной темноте промозглого, сырого отсека, до последнего вдоха надеясь на спасение. Вот последнее письмо офицера «Курска», которое без кома в горле невозможно читать: «Милые мои Наташа и сынок Саша!!! Если у вас это письмо, значит, меня нет. Я вас обоих очень люблю. Наташа, прости меня за всё. Сынуля, будь мужчиной. Я вас крепко целую».

2

Аварийное всплытие

Плавное сползание в бездну продолжается. Несмотря на некоторое душевное волнение и общее напряжённое состояние, особого беспокойства ситуация у меня не вызывает.

¹ Аварийно-спасательная служба.

К этому времени, будучи уже старым лейтенантом (именно старым, а не старшим), то есть отслужив на подводных лодках почти два года, но не получив ещё третью, старлеевскую, звёздочку, я успел основательно промаслиться и не на шутку заматереть. Я утратил ту нежную розовощекость и восторженную наивность во взгляде, по которой безошибочно можно определить невинного лейтенанта-выпускника. Мои лицо и китель приобрели землистый оттенок, а просветы на погонах из ярко-жёлтых превратились в насыщенно-серые. До самых костей я пропитался тем неистребимым духом дизельюхи, перебить который были не в состоянии ни русская баня, ни сауна, ни даже самый «бронбойный» из отечественных одеколонов – «Шипр». В глубоководных погружениях к этому времени мне уже не раз пришлось поучаствовать, и о том, что это может быть опасно, я особо не задумывался.

Безмятежно журча, лениво переливается вода за бортом. Клацают, периодически открываясь-закрываясь, перепускные клапаны гидравлики. С глухим шипением перекадываются кормовые горизонтальные рули. Капают на голову и стекают за шиворот слёзы выступившего на подволоке конденсата – надышали уже. Всё буднично и спокойно. Ощущение уютного, сырого... склепа. Как обычно...

– Седьмой, глубина двести тридцать метров, замечаний нет! – Как и положено, через каждые десять метров, продолжаю я монотонные доклады.

– Есть седьмой! – вновь, словно из другого измерения,

хрипит через дребезжащий динамик центральный пост.

– Седьмой, глубина двести сорок метров, замечаний нет! – Никак не желая успокоиться, снова докладываю я.

В этот момент вновь что-то звонко лопается и с металлическим, раскатистым грохотом ударяет по корпусу. Ощущение такое, словно весомый кусок железа свалился с высоты в гулкий, вибрирующий трюм. Звук доносится откуда-то спереди, но я не могу определить, с какого борта. На всякий случай, резво обежав отсек, я докладываю в центральный пост об осмотре.

Реакция центрального на этот раз озадачивает. Её попросту нет. Центральный молчит! Нет ответа! Повторяю доклад – результат тот же! Время замедляется, растягивается, секунды, что называется, кажутся вечностью. Внутренне напрягшись и мигом вспотев, я начинаю готовиться к худшему. И, как всегда, предчувствия меня не обманули.

Неожиданно напряженная тишина разрывается оглушительным трезвонном колоколов громкого боя. Через секунду оживает и «Каштан»:

– Аварийная тревога! Поступление воды в пятый отсек! Аварийное всплытие!

Тягучие мгновения тишины...

– Три электромотора полный вперёд! Боцман! Кормовые рули на всплытие! Держать дифференциал пятнадцать градусов на корму... Пятый, доложить обстановку! – разносятся по трансляции резкие, словно пулемётные очереди, лаконич-

но-лающие слова команд.

Я физически ощущаю, как шевелятся на голове в секунду намокшие волосы, и надпочечники, пульсируя и сокращаясь, вбрасывают в кровь всё новые и новые порции адреналина.

– Этого ещё не хватало...

Я растерянно смотрю на предательски замолкшую на самом интересном месте, а сейчас оглушительно шипящую и временами издающую резкие сухие щелчки переговорную коробку «Каштана».

– Может быть, я не расслышал? Не так понял? Может, тревога учебная? А может... там, в пятом, перестраховались и не так всё плохо...

Загудели, запели надрывно три главных гребных электродвигателя, забурлила, заклокотала взбаламученная винтами вода за кормой. Задрожал, поблёл в плафонах и без того неяркий свет. Оглушающие, раздирающие душу звуки аварийной тревоги, резко смолкнув, всё ещё звучат в ушах. Но если что и показалось, то эти трели ни с чем невозможно спутать! Тревога явно не учебная...

Глубина 250 метров! Но стрелка глубиномера не думает останавливаться и продолжает движение вниз...

Сердце молотит, грохочет в висках пулемётом, подступает к горлу и почти выпрыгивает из груди. По всему телу разливается неприятная слабость.

– Мне же ещё только двадцать пять лет! Неужели... вот здесь... сейчас... произойдёт то... непоправимое...

Ощущение роковой неотвратимости чего-то страшного, неведомого, которое знал, что существует, но которое всегда было где-то там, далеко, а сейчас оказавшееся вот тут, рядом, накатывается волнами замогильного холода. Возникая в груди, словно наполняя хрупкий стеклянный сосуд, этот холод растекается по всему телу. Он сковывает мышцы и волю, путает и перемешивает в голове мысли и слова. Мысли вспыхивают и пропадают, едва родившись, образуясь и тут же разваливаясь на отдельные слова и междометия.

– Ну почему? Да разве так можно? Да разве со мной... что-нибудь может случиться? Это с другими может, а со мной... никогда!!!

Пронзительный ужас выстуживает изнутри, по коже пробегают промозглый озноб, а свитер и ватные штаны впитывают стекающие по груди и спине холодные струи пота.

– Помоги, Господи! – наконец-то обретаю я способность связно мыслить и обращаюсь к тому, в которого никогда не верил и о ком никогда до сей поры не вспоминал:

– Помоги нам выбраться! Господи... помилуй!!!

Я срываюсь с места, адреналин подрывает, что-то надо делать, но что? Авария в пятом, все решения и действия сейчас предпринимаются только там и в центральном посту. По аварийной инструкции, которую все подводники знают наизубок, в случае поступления воды необходимо выполнить ряд соответствующих действий: доложить на ГКП¹, включиться

¹ Главный командный пункт.

в средства индивидуальной защиты, загерметизировать переборки, обесточить приборы, которые могут быть затоплены, и т.п., и только потом все силы кидать на борьбу за живучесть.

Но это если авария произошла в своём отсеке или в смежном. Нас же от аварийного отделяет ещё один отсек, и всё необходимое мы сделали ещё по сигналу тревоги перед началом погружения. Сейчас же мы можем только смиренно сидеть в своём закупоренном помещении и по обрывкам фраз, долетающих из центрального поста, предполагать, что же творится на корабле.

Вот уж действительно, когда секунды кажутся вечностью! Едва две минуты прошло, а уже о чём только ни успел передумать. Я даже мысленно представил себя великаном и, зайдя в море по пояс, попытался поднять нашу лодку руками. Но это не помогло, стрелка глубиномера так и не шелохнулась.

– Продуть цистерны главного балласта! – в голосе командира ни нотки паники! Это меня несколько обнадеживает. И хотя продувать балласт на такой глубине – бессмысленное занятие, но впоследствии я понял, чем руководствовался командир, принимая такое решение: лучше уж израсходовать весь запас ВВД¹, используя последний шанс, чем сгинуть в пучине с его полным запасом.

Вот с реактивным рёвом воздух высокого давления вры-

¹ Воздух высокого давления.

вается в балластные цистерны, расположенные рядом с нами, за изгибом борта, в узком пространстве между «прочным» и «лёгким» корпусами. Упругие струи пытаются вытеснить наружу тонны балластной воды, что на такой глубине сделать весьма непросто – противодействие водяного столба очень сильно снижает эффективность работы сжатого воздуха.

По железу корпуса, по трубам ВВД, скрежеща и натужно гудя, пробегают волны зубодробительной вибрации. Воздух, ранее закачанный мощными компрессорами в десятки высокопрочных, легированной стали четырёхсотлитровых баллонов и хранящийся там до сей поры под давлением двести килограммов на каждый квадратный сантиметр, истошно ревя, выполняет свою нелёгкую работу. Сейчас всё зависит только от того, что в данный момент совершается быстрее: продувается балласт или аварийный отсек наполняется забортной водой. Наша надежда на спасение в том, чтобы всё же быстрее продувался балласт!

Все взгляды вновь прикованы к зеленоватому циферблату: стрелка глубиномера, медленно клонившаяся всё это время, наконец-то остановилась возле отметки 280 (предельная глубина!) и, чуть подрагивая, замерла в раздумье...

– Ну, давай же! Ну, качнись назад! Ну, стрелочка... ну, хоть немного... – беззвучно шевелю я губами, молящим взором гипнотизируя бесстрастный прибор. Бледные матросы угрюмыми тенями сгрудились за моей спиной и с отчаянием обречённых смотрят то на меня, то на глубиномер, то на

безмолвную, непривычно долго молчащую коробку «Каштана». Они ждут от меня как от командира отсека грамотных и решительных действий, но что я могу предпринять? Как могу я предотвратить неконтролируемое сползание в бездну этой многотонной железной громадины?

– Что происходит на корабле? Почему молчит трансляция? – проносятся в голове безотрадные мысли.

Но вот прекратился душераздирающий рёв, угасли вибрации в трубах ВВД. В отсеке наступила зловещая тишина, ещё более тревожная, чем раньше. Всё, что можно было предпринять, уже сделано, и сейчас остается только одно – ждать.

Корпус продолжает противно потрескивать, журчит стекающая с подволока в тазы и банки забортная вода. Новый хлёсткий удар где-то по правому борту! Снова что-то пружинисто отрывается и, громыхая по железу, падает в узкое пространство между корпусами. Волна парализующего холода вновь пробегает от пяток до макушки, когтистой лапой сжимает грудь, на лбу выступает ледяная испарина.

Впоследствии, уже в гражданской жизни, бывали у меня разные ситуации, но происходило всё настолько быстро, что подчас даже и испугаться-то не успевал. Машинально, на полном автомате предпринимались какие-то действия, и лишь после приходило понимание того, как велика и близка была отступившая опасность. Нервно куря, сдерживая предательскую дрожь в руках, вдруг начинал явственно ощущать задним числом приходящий страх. Но никогда не бы-

ло мне так страшно, как сейчас. Растянутое во времени липкое, ползучее чувство осознания собственной обречённости и совершенной беспомощности холодным обручем сдавливало горло и грудь. С той мерзкой детальной отчётливостью и непостижимой скоростью, с какой, возможно, перед глазами умирающего проносится вся его жизнь, мне мысленно представилась в развитии вся кошмарная картина разворачивающейся катастрофы.

Там, в пятом, в нескольких метрах от меня, произошло что-то непоправимое. Под чудовищным давлением с оглушающим шипением и свистом в отсек врывается тугая, твердая, как железный прут, ледяная струя. Сокрушая всё, она сбивает с ног и калечит людей, оказавшихся у неё на пути. Натыкаясь на непреодолимые препятствия, она разбивается в пыль, заполняя отсек густым промозглым туманом. И с каждой секундой лодка стремительно тяжелеет и тяжелеет, принимая в себя всё новые и новые тонны воды!

– Что дальше? Видит Бог, ничего хорошего...

За считанные минуты пятый будет затоплен полностью. Теоретически лодка ещё может всплыть с одним затопленным отсеком. А практически... и с такой глубины? Затопив пятый, через несколько секунд море неминуемо вломится и сюда; межотсечные переборки не рассчитаны на такое дикое давление! Как глупо вот так погибать: не видя врага в лицо и не имея ни единой возможности противодействовать обстоятельствам!

Там, наверну, за железной скорлупой корпуса, за четверть-километровой толщей воды сейчас ещё светит бледное зимнее солнце, в высоком небе плывут ватные облака, упругий ветер срывает пенные барашки с игривых волн, и воздух – морозный, свежий! Ещё дальше, за невнятным горизонтом, – скалистый берег в кружеве прибоя, переливающийся по сопкам тёплыми огоньками вечерний город. Беззаботные люди, спешащие по своим делам, знакомые запахи, милые звуки... Жизнь – такая желанная и далёкая!

Неужели прямо сейчас раздастся оглушительный хлопок, море с металлическим скрежетом сомнёт эту тонкую переборку, отделяющую свет от тьмы, и свинцовой тяжестью ворвётся сюда? И никуда не убежать, не спрятаться! И вдруг сразу всё кончится?! И навсегда?! И никто никогда не узнает, что здесь произошло, какие мысли в последнее мгновение проносились в моей голове...

– А ну хватит истерить! – прерываю я разматывающийся перед глазами видеоряд моего больного воображения. – Мы вроде бы ещё живы и, кажется, уже не тонем!

Я бросаю взгляд на глубиномер и убеждаюсь, что стрелка находится на всё той же отметке в 280 метров. Нервно, чуть заметно подрагивая, она словно замерла в раздумье – куда податься. Хрупкий, едва установившийся баланс может быть в любую секунду нарушен. В какую сторону качнётся этот роковой маятник?...

– А ну-ка быстро разошлись по местам! Нечего тут тор-

чать у меня за спиной! – прикрикиваю я на растерянных бойцов, сгрудившихся возле меня, и с деланным оптимизмом кричу в «Каштан» доклад об осмотре отсека. Там моего оптимизма не разделяют – доклад остаётся без ответа.

Чтобы хоть чем-то занять поникший духом личный состав и по возможности отвлечь от упаднических настроений, даю команду приготовить к использованию дыхательные аппараты (в данных обстоятельствах абсолютно бесполезные), а сам зачем-то начинаю натирать суконкой бронзовое кремальерное кольцо торпедного аппарата.

– Последний парад наступает... – мелькает в голове созвучный ситуации куплет из «Варяга», и я криво усмехаюсь.

Где-то под ногами, в сырой щели неглубокого трюма, нутжно гудят три линии вала, вращая на полных оборотах винты. Там, в корме, за дейдвудными втулками водонепроницаемой переборки, за границами прочного корпуса, в тишине и холоде вечного мрака они сейчас из последних сил молотят чёрную воду, выталкивая нашу жалкую скорлупу из губительных объятий глубины.

Но вот стрелка глубиномера едва заметно качнулась! Неужели?! Нет... показалось...

Вибрации от бешено вращающихся винтов заставляют содрогаться весь корпус подводной лодки. Сквозь мягкое сиденье я собственным задом ощущаю, как ворочаются прямо под мной массивные гребные валы. Где-то над головой, на одной из коек верхнего яруса, в объемном камбузном лагуне,

стеклянно позвякивает хранящаяся там посуда. Я чувствую и явственно слышу, как время от времени так же стеклянно и мелодично позвякивают и мои собственные зубы. От вибрации, надо полагать...

Словно в театре перед началом спектакля, всё тускнеют и тускнеют в плафонах на подволоке лампы накаливания. Постепенно их цвет превращается из ярко-желтого в чуть красноватый, а на зигзаги спиралей уже совсем не больно смотреть. В отсеке становится ещё сумрачнее и как бы даже прохладнее. Вся энергия запасённого в аккумуляторах электричества идет сейчас прямым ходом на самое главное – на питание прожорливых электродвигателей. До отсеков доходят лишь жалкие её остатки.

Работающие на полных оборотах электромоторы гигантскими насосами вытягивают из аккумуляторных батарей сотни и тысячи ампер столь дефицитного здесь, на глубине, электричества. Вся эта искрящаяся, раскаленная лава всасывается, втискивается в проводящие жилы силовых кабелей и проносится по бортовым кабельтрассам через всю подводную лодку. Миновав притихший центральный пост, вобрав в себя дополнительные потоки энергии из аккумуляторных ям четвёртого отсека, она проходит через аварийный пятый и, влекомая неведомой электродвижущей силой, вливается в электромоторный отсек. Тут плотно сжатая в кожухах изоляции энергия наконец-то получает долгожданную свободу.

– Только бы выдержала проводка! Только бы не пробило

изоляция! Только бы где-нибудь не полыхнуло!

Стиснутые по окружности раскалёнными обмотками статоров, бешено вращаются массивные якоря-роторы мощных электромоторов. Они жадно поглощают это раскалённое и живительное для них пойло. Адским жаром пышет железо вокруг. Пронзительно и надсадно воют вентиляторы, безуспешно пытаясь всё это дело охладить. Горячий воздух обжигающими упругими струями разносится по электромоторному отсеку.

Но весь этот ад, все эти жизнь и борьба существуют где-то там, далеко. У нас же в седьмом по-прежнему тихо, промозгло и сумрачно.

– Надо бороться! Надо что-то делать! – вновь вскакиваю я, шумно отлипая от дерматина кресла, и вновь опускаюсь на своё место, раздавленный и обессиленный осознанием собственной никчёмности. В голове невообразимая какофония мыслей и чувств:

– Хочу жить!!! Там, наверху... там всё... там – ветер, мороз, воздух! Если уж умереть, то не здесь, не сейчас! Пусть это будет завтра! Пусть сегодня! Но пусть это произойдёт наверху... на воздухе! Но только не тут, не так, не сейчас... Нет!!!

Стрелка глубиномера продолжает мелко подрагивать, вибрируя вместе с железом корпуса. Я смотрю на её трепетный танец и словно магическое заклинание бормочу под нос:

– Давай... Давай... Давай... – и продолжаю машинально

водить суконкой по медной поверхности торпедного аппарата, давно уже отполированного до блеска.

И тут словно благая весть снизошла на меня. И хотя в отсеке ровно ничего не произошло и не изменилось, всё оставалось таким же, как и секунду назад, я вдруг ощутил, что душа моя как бы встрепенулась и тело непроизвольно подалось вверх. Какими-то потаёнными фибрами души я уловил тот переломный момент, то робкое движение качнувшегося в нашу пользу маятника, которые вселили в меня уверенность, что всё будет хорошо. И хотя стрелка глубиномера подрагивала всё на тех же 280 метрах и даже вроде бы опустилась ещё на пару делений, но я уже знал, что мы всплываем и скоро окажемся на поверхности!

Подтверждение этого не заставило себя долго ждать. Воздушный пузырьёк в дугообразной, изогнутой выпукло вверх стеклянной трубке дифферентометра нехотя качнулся влево и медленно пополз... пополз... Градус... два... три... пять!

– Ура!!! Всплываем! – раздался за моей спиной чей-то истошный крик и тут же осёкся, словно в страхе, что может испугнуть этот едва забрезживший шанс на спасение.

– Двести восемьдесят... Двести семьдесят пять...

Глубина уменьшается! Всплываем! Но почему так медленно... Балласт продут, электромоторы натужно воют на предельных оборотах, рули глубины переложены на всплытие, а лодку как будто кто-то держит за хвост!

Но вот поехало, понеслось:

– Глубина двести семьдесят... двести шестьдесят... двести сорок... двести...

Пройдя определённый рубеж, разогнавшись и получив инерцию подъёма, лодка начинает буквально взлетать. Сжатый воздух в ЦГБ с уменьшением забортного давления расширился, выдавил из цистерн остатки воды, что ещё больше увеличило скорость подъёма. Глубиномер работает уже в режиме вентилятора. Стрелка несётся в обратном направлении, и за ней не уследить.

– ... Сто восемьдесят... сто пятьдесят... сто...

Палуба вздымается, стремительно растёт дифферент на корму! Десять... пятнадцать... двадцать пять градусов... тридцать! Это же предел!!!

Вот сложился и с грохотом опрокинулся стоящий в среднем проходе раскладной стол. Со свистом разгоняющегося снаряда он пролетел по отсеку, почти никого не повредив, только отбил ноги оказавшимся у него на пути двоим моим нерасторопным торпедистам. От носовой переборки прямо на меня, словно с ледяной горки, несётся, набирая скорость, незакреплённая двадцатикилограммовая бандура РДУ6¹. Увернувшись в последний момент, я попадаю под ледяной дождь из опрокинувшейся банки, которая всё это время спокойно висела у меня над головой, а тут вдруг вздумала оборваться.

Но больше всего в этой свалке досталось Василию Али-

¹ Регенерационная двухъярусная установка.

бабаевичу, нашему трюмному машинисту. На его голову обрушился алюминиевый бак, доверху наполненный различной посудой. Отскочив от головы, бак с чудовищным грохотом рухнул на пайолы. Стеклянными и фарфоровыми брызгами полетели в стороны осколки разбитой посуды. Зазвенели и запрыгали, разлетаясь по отсеку, эмалированные кружки, металлические вилки, ложки и ножи.

После этого у Василия Алибабаевича появились определённые проблемы. Русский язык, который в своё время он с горем пополам освоил в средней школе города Ленинабада, он вроде бы окончательно не забыл, но начал всё путать. Особенно трудно ему пришлось с обращениями «ты» и «вы». Он окончательно запутался в этих «двух соснах» и в итоге перестал забивать этим голову. Ко всем начальникам, от мичмана до капитана первого ранга, он обращался исключительно на «ты», а к коллегам, сослуживцам, «карасям» и матросам своего призыва – по-джентльменски строго на «вы».

Между тем мы продолжаем взлетать. Словно на скоростном лифте, всё быстрее и быстрее лодку увлекает вверх. Ноги в коленях непроизвольно подгибаются, сила тяжести наваливается и неумолимо тянет к полу.

И вот подводная лодка пробкой вылетает на поверхность! На корабле обеспечения, стоящем в паре десятков кабельтовых от места нашего экстренного всплытия, от такой картины все опешили, а вахтенный офицер от удивления так неосторожно распахнул рот, что вывихнул челюсть. Он по-

том три дня не мог его закрыть, ходил, истекая слюной на китель и прикрывая нижнюю часть лица полотенцем. Только по прибытии на базу бедняге вправили челюсть, при этом он чуть не откусил два больших пальца доктору, производившему манипуляцию.

Пострадал и сам командир корабля, тоже в прошлом подводник. Замахнув не с того стакана, он поперхнулся чистоганом, начал страшно пучить глаза, икать, кашлять и пускать пузыри. Немного отдышавшись и ещё не совсем придя в себя, решительно выдал по трансляции:

– Пузырь в нос! Продуть цистерны главного балласта!

Потом, сообразив видимо, что находится не в боевой рубке подводной лодки, а всего лишь на ходовом мостике старенького катера-торпедолова, суетливо поправился:

– Тьфу ты! Отставить! Отставить!

После чего вновь закашлялся и неопределённо просипел:

– От суки... а!!!

Как потом рассказывали очевидцы, повидавшие, надо сказать, всякое, зрелище было достойно лучших голливудских фильмов.

Представьте: стальной снаряд весом в две с половиной тысячи тонн и длиной под сотню метров на скорости хорошо разогнавшегося экспресса, увлекая за собой тонны глубинной воды, выскакивает из моря и в клубах пара и пены обрушивается брюхом в пучину! Поистине незабываемое зрелище! Жалко, что мне не довелось запечатлеть это снаружи, но

зато я имел счастье в полной мере прочувствовать все прелести нашего всплытия изнутри.

Мне удалось испытать радость и стремительного взлёта, и не менее стремительного падения, от которого я, кстати, до сих пор храню вполне ощутимую отметину на своём черепе. Когда я состарюсь и полысею, она станет видна всем, и я буду с гордостью носить её как боевую рану, полученную на службе Отечеству. Может быть, тогда заметят меня большие начальники и дадут какую-нибудь ну хотя бы маленькую медаль или, если не жалко, орден, желательно с деньгами в придачу!

Ну а если серьёзно, то даже в седьмом отсеке, то есть в самой нижней точке стремительно всплывающего снаряда, я и шестеро моих бойцов в момент кульминации и обрушения так подлетели и треснулись головами о подволок, а затем так смачно шмякнулись на пайолы, что остаётся загадкой, как у нас ничего от туловища не отвалилось.

3

Боевые потери

Лодку ощутимо качает, медленно переваливая сбоку на бок, словно огромную ленивую неваляшку. Вот уже второй час после всплытия лежим в дрейфе. Всё ещё по тревоге, то есть в состоянии, когда ничего нельзя делать. Нельзя выходить из отсека, нельзя есть, спать, справлять, как это в уставе записано, «естественные надобности». Можно только си-

деть у коробки «Каштана», выполнять поступающие команды и строить самые невероятные предположения. Нельзя даже просто приоткрыть дверь в соседний шестой отсек и попытаться узнать хоть какую-то информацию о том, что же на самом деле произошло в пятом. Незнательность угнетает. Но, слава богу, мы хоть на поверхности!

После всплытия тут же были пущены дизеля (ура! значит, пятый полностью не затоплен и все живы!) и переведены в «режим продувания главного балласта дизелем без хода». Такое практикуется на дизелях для избавления от остатков воды в ЦГБ, когда лодка уже всплыла и находится в позиционном положении. Чтобы не расходовать драгоценный запас ВВД, балласт в этом случае выдавливается из цистерн выхлопными газами.

И вот после двух часов тревожного ожидания по трансляции разносится долгожданная команда:

– Боевая готовность номер два надводная, третьей боевой смене заступить!

Ну вот, можно расслабиться. Значит, уже всё нормально, опасность миновала, будем жить! Наконец-то можно спокойно перемещаться по кораблю, выйти из отсека и узнать последние новости. Можно наконец-то поесть, вылезти на мостик и подышать свежим морозным воздухом.

Через открытую переборочную дверь помещение начинает наполняться людьми. Седьмой отсек на подводных лодках нашего типа традиционно является жилым. Если во втором

и четвёртом обитают офицеры и мичманы, то первый и седьмой заселяют матросы. Остальные же отсеки для жилья не приспособлены совсем, в них даже крысы не доживают до совершеннолетия.

От промокших до нитки мотористов мы узнали, что в пятом вырвало забортный клапан. Струя ледяной воды толщиной в руку под соответствующим для такой глубины давлением – двадцать пять килограммов на каждый квадратный сантиметр – в несколько минут заполнила едва ли не треть отсека! Что-либо сделать было невозможно, пробоина оказалась в труднодоступном месте. Да и бесполезно, честно говоря, пытаться обуздать струю, которую ломом невозможно перешибить. Спасло положение только своевременное всплытие и грамотные действия командира.

Мотористы, побарахтавшись какое-то время в ледяной воде, сообразили, что от их суеты здесь уже ничего не зависит и даже знаменитая фраза «спасение утопающих – дело рук самих утопающих» явно уже не про них. В соседние отсеки их никто не впустит – по аварийной тревоге переборочные двери мгновенно захлопываются и блокируются, и открывать их строго-настрога запрещено. Это самое жестокое, но абсолютно оправданное правило подводной службы – аварийный отсек рассчитывает только на себя. Когда ребята это осознали, они несколько расстроились, но не потеряли присутствия духа, расселись на тёплых ещё дизелях и, глядя на стремительно растущий уровень воды, простились друг с

другом и дикими голосами орали во всё горло «Варяга».

И вот лодка вновь зажила повседневной жизнью. Вернувшиеся с того света, продрогшие мотористы разложили на ревущих и теперь уже горячих дизелях промокшую робу, грязные, потные, среди шума и вони пережжённого машинного масла и топливных испарений, в одних трусах и ботинках, принялись удалять из трюма остатки воды – то, что не смогла взять помпа.

По отсекам – расслабленная суета, подначки, шутки. То здесь, то там раздаётся нервный смех. Постепенно отпускает напряжение. С запозданием до нас начинает доходить весь ужас смертельной опасности, которой мы избежали.

Пройдя через громыхающий пятый и выпав из его густо настоящей духоты в январскую стужу четвёртого, я чуть не задохнулся! Ещё раньше, сразу после всплытия, когда запустили вентиляцию для проветривания отсеков, мы, обитающие в седьмом, явственно почувствовали до боли знакомый дразнящий аромат. С первым же вдохом в четвёртом я сильно закашлялся, и у меня брызнули слёзы из глаз. Резкий, ничем не смягчённый спиртовой дух плотно заполнил все мои внутренности. Концентрация спирта в воздухе была такова, что вскоре я ощутил характерное головокружение и почувствовал явственный прилив сил, как будто употребил внутрь. Из всего чувствовалось, что именно здесь, а не в пятом произошла главная авария сегодняшнего дня или даже его трагедия.

Бедный механик! Ещё недели не прошло, как он получил на базе двадцатилитровую канистру спирта и, не успев выпить даже половины, уходя по тревоге из каюты, оставил её, родимую, дожидаться своего возвращения. И вот её нет! Опрокинулась, зараза, на бок во время исполнения сегодняшних пируэтов. Спирт вытек весь до капли! Абсолютно бессмысленно и без толку, он растёкся ровным слоем по соседним рубкам, по палубе, собрался мелкими лужицами где-то в недоступных закоулках. На механика страшно смотреть: немая скорбь всего невинно пострадавшего человечества поселилась в его глазах.

Из прочих потерь самая существенная произошла в провизионной камере. Как следовало из акта списания, незамедлительно составленного старшиной команды снабжения и заверенного по всем правилам членами корабельной комиссии, в результате опрокидывания разбились восемь ящиков болгарского вина «Медвежья кровь» (не уцелело ни одной бутылки!!!), пятьсот литров соков, растительного масла и прочих пищевых жидкостей. В полную негодность пришли практически все продукты, полученные неделю назад на продовольственном складе базы, всего около трёх тонн. Каким-то непостижимым образом оказались полностью уничтоженными десятка три ящиков с тушёнкой и сгущёнкой, килограммов двести балыков и копчёных колбас, подвешенных от крыс на шкертах к подволоку провизионки.

Как человек отзывчивый и искренне сопереживающий чу-

жому горю, я тут же поспешил выразить соболезнование нашему старшине команды снабжения, стеснительному, в меру упитанному мичману с типичной для интенданта пожарно-красной физиономией. При этом я тонко намекнул, что готов день и ночь работать на разборе завалов, помогая ему поскорее устранить последствия столь чудовищной катастрофы, но он засмутился, ещё больше покраснел и почему-то отказался.

Должен сказать, что потери эти ещё не так велики. Если подойти к делу творчески, то списать можно было гораздо больше. На одной из наших подлодок, к примеру, упавший за борт верхний вахтенный (уснул, гад, на посту) утопил два овчинных тулупа, бинокль, хронометр, два секундомера, и даже... баян. Причём сам вахтенный не утонул. По всему получается, что мы ещё легко отделались.

Если кому и досталось в этой свалке по-настоящему, так это замполиту. Он этот день запомнил на всю оставшуюся жизнь, и седины в его кучерявой голове заметно прибавилось. Находясь с начала погружения в центральном посту, зам неожиданно испытал властные позывы уединиться. После недолгой борьбы он всё же зашел в галюн и с трудом затворил за собой противно проскрежетавшую железную дверь. Глубина на тот момент была около ста пятидесяти метров и продолжала увеличиваться. Но ни этот факт, ни неожиданно ставшая тугой дверь, ни хитрый взгляд, которым проводил его старпом, зама не насторожили. Когда

через несколько минут зам попытался из гальюна выйти, то это у него не получилось. Стрелка глубиномера к тому времени подходила уже к двумстам метрам, корпус ещё больше обжался, и дверь заклинило намертво! Как ни бился замполит, как ни пытался сдвинуть её плечом, задом или ногой, дверь стояла на месте, как приваренная. Ситуация – хуже не придумаешь!

Когда же зазвонили колокола громкого боя и прозвучала аварийная тревога, заму сделалось совсем худо. Оказаться на почти трехсотметровой глубине в аварийной подводной лодке, да ещё и замурованным в тесном железном ящике с подозрительно урчащим железным толчком посередине – что угодно, но только не это! Зам уже представлял себе, как из жерла этого устройства сейчас начнёт вытекать темная, смердящая жижа, как уровень её будет подниматься всё выше и выше, как она...

Ну, хватит! Зам наш, скорее всего, об этом не думал и ни капельки не боялся. Я даже в этом уверен. Человек он был смелый и решительный. На подводную лодку служить пришел добровольно (перевёлся с должности начальника клуба на одном из авианесущих кораблей) и, как я подозреваю, в надежде попасть когда-нибудь в нестандартную ситуацию, взять на себя руководство борьбой за живучесть, отстранив от управления растерявшегося командира, и получить за это орден, а то и два. И вот ему повезло! Такой шанс! Авария налицо, лодка тонет, надо действовать! И где же он, замполит,

идейный руководитель, находится? В гальюне!!! Что скажут потомки, когда через много лет поднимут погибшую субмарину на поверхность и обнаружат его обглоданное крабиками туловище в таком не совсем подходящем для истинного героя месте?

Когда подводная лодка всё же начала всплывать и давление на корпус ослабло, зам, конечно же, вырвался на свободу. Вспотевший, несмотря на окружающую температуру чуть выше нуля, и заметно, как я уже сказал, поседевший, он с победным криком вывалился в отсек, но, увы, было уже поздно. Лодка пробкой летела к поверхности. Самое время было за что-нибудь крепко уцепиться. Командир как-то умудрился справиться без него!

Прочие неприятности были не столь трагичны и уж куда менее значительны. О таких мелочах даже говорить как-то неудобно, а сопоставив их с потерями интенданта, а уж тем более механика, так даже и вспоминать стыдно. Вот, например, сорвало с креплений в первом отсеке стеллажную торпеду. Само по себе событие, конечно, крайне неприятное – как-никак, более трёхсот килограммов высококачественного тротила утрамбовано в её головную часть, да ещё чистого кислорода в резервуар окислителя под давлением аж в двести атмосфер запрессовано более шестисот литров. И десятой доли всего этого добра хватило бы, чтобы разнести вдребезги наш корабль со всем его содержимым. Но если посмотреть на это дело философски, то с точки зрения полученных

результатов всё это сушая ерунда, оказывается.

Судите сами. Ну, сместилась торпеда на стеллаже, порвала два хомута и осталась висеть на одном. Ну, стукнулась она со всего маху несколько раз о свою соседку, лежащую тут же рядом. Так не взорвалась же, не свалилась в проход и не развалилась на части! Придавила, правда, двумя своими тоннами мичмана, старшину команды торпедистов, к соседнему стеллажу, так ведь потом сама же назад и откатилась. Даже ничего почти не поломала: пару рёбер, руку, да так ещё, кое-что по мелочи. И легла ведь, в конце концов, сама, на своё законное место и лежит там до сих пор, цела и невредима.

В аккумуляторных отсеках тоже ничего страшного не произошло: пролился кое-где электролит из баков, задымилось в ямах, завоняло хлором, попёр водород. Но ничего! Сильно травануться никто не успел, провентилировали, продули, отдышались, прокашлялись, и опять все радостные и счастливые!

В кают-компании тем временем собрался «военный совет»: командир, старпом и оба механика. Был ещё, правда, замполит, лезущий, по обыкновению, во все дела, о которых не имел ни малейшего понятия, но под благовидным предлогом – проверить моральный климат в экипаже – командир отправил его «в люди», чтобы не мешал. И вот, разложив на столе поотсечный план подводной лодки, отцы-командиры напрягают мозги, думают, что же делать? Хоть и в надводном положении, но с дыркой в борту не совсем удобно

за сто пятьдесят миль возвращаться на базу. Тем временем, одевшись потеплее, наскоро проглотив бутерброд, залив его обжигающим ячменным кофе, я полез на мостик заступать вахтенным офицером в свою законную третью смену.

Наверху на одном квадратном метре площади продуваемого всеми ветрами, еще мокрого после всплытия гнезда ходового мостика зябкими объятиями на меня накинулась промозглая ледяная мгла. Ровно через минуту после выхода на поверхность всё тепло, накопленное организмом внизу, вылетело без остатка наружу. Возможно, что на какие-то миллиардные доли градуса оно нагрело холодную бесконечность, мерцающим куполом разверзшуюся над головой.

4

Глоток счастья, немного истории и когда мичман может быть важнее адмирала

После неудачной попытки глубоководного погружения мы возвращаемся домой на базу. С утра нас ждёт штабная комиссия, проверки, экспертизы, ворох объяснительных, аварийный док, неделя ремонта – и опять в море, на второй заход. А пока же на полном ходу, в крошечной тьме, под всеми своими трёмя ревущими дизелями лодка несётся в колючую стылую пустоту.

Уже два часа как я остываю на мостике. Чуть ниже в ограждении боевой рубки, пряча в рукаве засаленного тулупа рубином вспыхивающий бычок, дымит вонючим «Бе-

ломором» рулевой. Ему легче – он спрятан под козырьком ограждения и смотрит вдаль сквозь мутное стекло.

У меня же зубы даже уже не стучат – наверное, что-то там перемерзло в челюстных соединениях и заклинило. Когда необходимо подать команду или доложить обстановку, изо рта вырываются какие-то лязгающие звуки, и я очень удивляюсь, что их кто-то ещё понимает.

Когда мороз под тридцать, когда снег и морская пена летят в лицо, а жгучий ветер несётся сквозь тебя со скоростью пятнадцать метров в секунду и ты на открытой площадке мчишься навстречу всему этому безобразию пятнадцатиузловым ходом, то сколько бы ни надел на себя свитеров, штанов, носков и прочей дополнительной амуниции, всё равно окоченеешь в первые же пять минут. Это проверено мною не раз, за чистоту эксперимента отвечаю, можете не перепроверять. Дальше идет процесс кристаллизации и промерзания организма уже на клеточном уровне.

Четырех часов такой вахты вполне хватает, чтобы узнать, в чём в жизни счастье. Именно здесь, на обледеневшем мостике, до тебя доходит, насколько относительно понятие этого состояния. Когда остекленевший, на негнущихся ногах ты спускаешься вниз, это самое счастье тут же наваливается на тебя со всех сторон: стойкий солярный дух, громыхающие горячие дизеля, к которым можно прижаться и окоченевшим телом впитывать живое вибрирующее тепло, и 150 граммов чистого спирта из рук самого командира. А если уж коман-

дир лично тебе налил, значит, видит, что ты действительно замёрз, и волнуется, как бы не заболел. И правильно: кто за тебя потом на вахте будет стоять, сопли морозить? Пей и не вздумай отказываться! Один раз по неопытности я чуть было не лишился этой дозы счастья. Когда командир со словами «На, минёр! Согрейся», протянул гранёный стакан, я растерянно взял и, желая разбавить, попросил вестового принести кружку воды. Но командир как-то разочарованно на меня посмотрел и недоумённо произнёс:

– Ну, ты даёшь, минёр! Не замёрз, что ли? Так бы сразу и сказал! – и потянулся к стакану с намерением отобрать.

Сообразив, что глоток счастья уплывает из рук, я, не мешкая, выпил. И ничего. Правда, едва не задохнулся, икал полчаса, но не умер и, понятно, не заболел.

Скажу прямо. Может, всё это: бытовые условия, флотская организация, вековые традиции и вся служба в целом – и выглядит как бессмысленное издевательство над человеческим организмом, но такая закалка и предыдущая школа выживания Военно-морского училища очень мнегодились в дальнейшей жизни. Сейчас я могу комфортно себя чувствовать в любых условиях: спать зимой в помещении без отопления и половины стёкол и даже без одеяла, не есть неделю или, наоборот, неделю есть не переставая, просить добавки и курковать куски по карманам про запас на случай войны. При этом есть могу всё что угодно и в любых условиях. И ничего: ни толпы откормленных тараканов, с топотом про-

бегающих через стол, ни банды голодных крыс, выглядывающих из углов кают-компаний в надежде что-нибудь стащить, не могут повлиять на мой здоровый аппетит. Я также могу месяц не спать, а затем завалиться в берлогу и столько же безвылазно спать, причём делать это могу где угодно, на чём угодно и даже стоя. Тут важно, чтобы вовремя будили на кормёжку и – обязательно – на политинформацию.

Но не один я такой герой – зачем себя нахваливать? Совершенно ответственно заявляю: любой, даже самый завалящий подводник-дизелист способен вынести все эти тяготы. Почему именно дизелист? Я ничего не имею против наших братьев атомоходчиков, им тоже приходится несладко, но даже они не будут спорить, что самый плохой подводный атомоход по условиям человеческого существования отличается от самой хорошей дизелюхи так же, как столичный «Метрополь» от «Дома колхозника» в уездном городе Урюпинске.

Тут надо сделать небольшое лирическое отступление. Прежде всего о том, что всё здесь написанное есть чистая правда на целых девяносто пять с половиной процентов. Только в оставшихся четырёх с половиной я позволил себе дать волю вымыслу, что, впрочем, вполне допустимо в художественном произведении. А так как целью моих литературных упражнений является описание событий, происходивших во вьетнамском порту Камрань и его окрестностях, то позвольте немного истории.

В первый раз русские моряки появились у этих берегов

в 1905 году, когда эскадра адмирала Рожественского, совершавшая беспрецедентный переход с Балтики на Тихий океан, вынуждена была завернуть сюда для пополнения запасов угля, воды и продовольствия. Благодаря козням союзников-французов, которым принадлежал тогда Аннам, кораблям пришлось простоять на рейде целый месяц. В бухту их так и не пустили. Уголь грузили в море с транспортов, прибывающих из Сайгона. Погрузка угля даже у пирса – работа из разряда каторжных, и о том, как это выглядело в море, особенно штормовом, мне даже подумать страшно.

Помня уроки той далёкой войны, Советское правительство в конце 70-х годов заключило с Вьетнамом соглашение о строительстве и совместном использовании в Камрани базы. Корабли ВМФ СССР, следующие на боевую службу в Индийский океан, получили возможность пополнять необходимые запасы, ремонтироваться, а экипажи – получать небольшой отдых. Конечно, Камрань нельзя было назвать полноценной ВМБ¹. По сравнению с американскими базами, разбросанными по всему миру, она была меньше и менее оснащённой, но всё равно значение её было огромно.

Что же представлял собой в те годы пункт материально-технического обеспечения Камрань, осколок доживающей свои последние годы Советской империи?

К моменту создания базы от прежних хозяев – американцев – мало что осталось, не считая 26 000 мин, которые на-

¹ Военно-морская база.

шим сапёрам пришлось обезвредить. Поэтому титанических трудов стоило создать на пустом месте всю инфраструктуру. Проблемы возникали на каждом шагу. Банальное обеспечение базы и заходящих в неё кораблей чистой питьевой водой потребовало принятия нестандартных технических решений. Везти воду из Сингапура танкерами (как это делали американцы) было чрезвычайно дорого и ненадёжно. Сначала пошли по пути бурения скважин. Вот как описывает эту эпопею в своих воспоминаниях бывший начальник штаба 17-й оперативной эскадры, контрадмирал в отставке Красников:

«По снабжению водой дело обстояло крайне напряжённо. Глубинные насосы скважин заиливались и выходили из строя, ремонт их на месте был неэффективен. Отправка вышедших из строя насосов во Владивосток положительных результатов не давала: ремонтировались долго и, как правило, в Камрань не возвращались. Скважины постепенно выходили из строя и, как следствие, – дефицит воды. Нужно было искать другие, альтернативные варианты решения проблемы. Помог случай. Изучил внимательно карту полуострова. Вижу: озеро, 5–6 км от пирсов. Прибыл на место, осмотрелся. Грязный берег, грязная, зелёная вода, стадо мелких коров на водопое. А почему не попробовать? Далее „дело техники“: сделан эскизный план на клочке бумаги, вызваны исполнители, поставлена задача, сроки, доклады... и работа закипела. Не без труда „изъял“ со склада электромеханиче-

ской службы эскадры два насоса производительностью 300 тонн в час каждый. Построили на берегу озера водонасосную станцию, установили водозаборные трубы с невозвратными клапанами на концах, которые были подвешены между якорем и поплавком примерно в середине толщи воды. Подвели электропитание, проложили электропровод, а на возвышенности – водоподъем с ёмкостями для отстоя, хлорирования и очистки воды».

Так же непросто было организовать на пустом месте и электроснабжение гарнизона, и даже обеспечение хлебом. Когда же все технические вопросы были решены, на первое место вышел так называемый человеческий фактор. Приходилось усиленно охранять от местного населения не только электрические кабели (которые они умудрялись рубить даже под напряжением), но и водяные трубопроводы. Когда запустили первую пекарню, к окончанию выпечки, в ночное время военнослужащие вьетнамской армии гроздьями висели на заборе. Это происходило не из-за склонности вьетнамцев к воровству (народ этот отличается редкой честностью и порядочностью), а из-за того, что страна ещё не восстановилась после многолетней войны и кушать попросту было нечего.

К моменту нашего прибытия в Камрань база была уже полностью отстроена и обустроена. Под знойным тропическим солнцем в роскошной бухте с чистой водой, в окружении живописных пейзажей вольготно расположились пирсы, казармы, городки гражданского и военного персонала,

госпиталь, аэродром и даже клуб. Всё это за несколько лет было возведено нашими строителями на чужой земле. Денег не жалели, всё делалось с размахом, основательно, крепко, с расчётом остаться тут навсегда.

Счастливики, попавшие служить в этот райский уголок, могли с уверенностью смотреть в будущее: два-три года пребывания здесь обеспечивали безбедное проживание как минимум до пенсии, а мичманам и прапорщикам, засевающим на многочисленных складах базы, — так и до пенсии их правнуков.

Тяжела и опасна была служба этих столпов боеготовности флота. Постоянное балансирование на грани: надо дать начальству, себя не обидеть да чтоб и на корабли что-то осталось. За последнее десятилетие перед развалом СССР, в эпоху всеобщего дефицита сложился тот колоритный тип виртуоза — вора-мичмана, незаменимого инструмента перераспределения народного богатства.

Это была особая неприкасаемая каста. Порой смешно и горько было наблюдать, как перед подобной особью, великодержавно царившей на своём отдельно взятом складе, унижались и пресмыкались полновесные майоры и полковники в надежде заполучить себе на паёк лучший кусок.

Картина не столь далёкого прошлого: продовольственный склад соединения подводных лодок в тогда ещё закрытом порту Владивосток. Клондайк, остров сокровищ для простых смертных, офицеров и мичманов корабельного состава

в то голодное время.

Между стеллажей с ящиками консервов, с шоколадом, кофе, воблой и всем прочим, чего в магазинах тогда отродясь не бывало, движется фуражка невообразимых размеров – аэродром с лихо заломленной тульей. Она едет, гордо возвышаясь над лоснящейся, пылающей спиртовым пожаром, невероятно солидной и самовлюблённой физиономией. Следом из-за ящиков показывается и весь необъятный кубометр туловища начальника склада.

Но кто же он? Погон не видно. Майор? Полковник? А если – страшно даже подумать – генерал?! Чем чёрт не шутит, может, в наше беспокойное время только ему и под силу командовать этим особо важным подразделением?

– Ваше звание, товарищ...? Как записать? Тут надо звание указать в накладной..., – и тут же понимаешь, что сморозил глупость. Героев надо знать в лицо! Следует ответ, исполненный такого непоколебимого достоинства, которое не снилось и десятку адмиралов, вместе взятых:

– Я Ми-и-иЧЧмаНН!!!

Всё, вопросов нет. Это сказано так, что понимаешь: нет больше никакого смысла месяцами сидеть на железе в прочном корпусе, ходить в автономки и на боевые службы, героически преодолевая все тяготы и лишения подводной службы. Никогда тебе, бедному, не испытать такого полёта, не достичь таких высот!

«Я Ми-и-иЧЧмаНН!» – и этим всё сказано!

О великом и могучем и о том, как неожиданно могут пригодиться школьные знания

Продолжим повествование. До кокосовых пальм над головой и бананов на обед, ожидающих нас в вожденной бухте тёплого Южно-Китайского моря, ещё надо добраться, а пока у нас унылые будни и суета несусветная. Дни несутся, как в безумном калейдоскопе, – дурдом отдыхает, и конца-края этому состоянию не видно. Все события происходят в экстремальном режиме, только успевай поворачиваться: бункеровка водой и топливом, погрузка продовольствия, регенерации, запасных частей и прочего имущества, которое может понадобиться в дальнем походе. Особенно важная часть предпоходовой подготовки – приём-передача личного состава. Дембелей, которым скоро домой, надо кому-то сплавить, вместо них получить моряков помоложе, и при этом желательно не полных идиотов. А как с первого взгляда определить, кто есть кто, – никому неизвестно.

Лодка – что проходной двор. По отсекам бродят толпы народу: проверяющие, помогающие и какие-то вообще неизвестные личности. Может, это шпионы? Ну и чёрт с ними, лишь бы не мешали. Работяги с судоремзавода что-то пилят, выносят, приносят, варят, срезают и опять приваривают. Шум и скрежет такой, что ушам больно, дым, что называется, стоит коромыслом, от него першит в горле и слезятся

глаза.

Но и в этой обстановке офицеры самоотверженно трудятся: в кают-компании стрекочут печатные машинки, изводя килограммы бумаги на инструкции, приказы, планы и прочую макулатуру, механик с выпученными глазами носится по отсекам, переругивается с работягами, проверяет выполнение работ и устраивает разносы зазевавшимся бойцам. Даже замполит чем-то озабочен. С утра бродит по отсекам, пристаёт и мешает всем. Перед обедом придрался к акустику за то, что у него в рубке бардак. На что тот вполне резонно заявил:

– Вам, товарищ капитан третьего ранга, хорошо: рот закрыл – рабочее место убрано!

Зачёт по глубоководному погружению, хоть и со второго захода, мы получили. На этот раз ничего не произошло. Ничего не оторвалось, не отвалилось и не лопнуло, но куда-то делись двадцать тонн солярки, которые были в наличии до начала погружения. Находились они в одной из топливно-балластных цистерн, которые конструктивно так устроены, что топливо по мере расходования замещается забортной водой. И вот оно как-то так заместилось, что воды сколько угодно, а топлива нет, хоть ты тресни. Куда делось – никто не знает, но разбираться некогда, списали по акту и тут же получили новое, даже ещё больше, чем было. А что делать? Лодку надо побыстрее выпнуть на боевую службу, графики соблюсти и в Москву доложить. А то, что цистерна

дырявая и топливо при первом же погружении опять в море вытечет, никого уже не волнует. Страна у нас богатая, лесов, полей и рек, а нефти в особенности, много. Пусть империалисты проклятые завидуют и экономят себе каждый литр.

С горем пополам заменили боезапас. Почему с горем? Объясню. У торпед, как и у колбасы, есть свой срок годности, после которого их, как и колбасу, использовать ещё, конечно, можно, но нежелательно и даже опасно для здоровья. От несвежей колбасы в худшем случае понос случится, а от просроченной торпеды можно и на воздух взлететь. Поэтому перед боевой службой те торпеды, которые уже год пролежали в аппаратах и на стеллажах, приходится выгружать и взамен получать новые.

Двадцать одну из двадцати двух таких несвежих торпед, несмотря на двадцатиградусный мороз и пронизывающий ветер, мы выгрузили без особых приключений и даже быстро, за какие-то три часа. Уже давно стемнело, и время было такое, когда дети, посмотрев «Спокойной ночи, малыши» и в очередной раз не дождавшись папы с работы, легли спать, а их мамы, окончив в свою очередь просмотр «Прожектора перестройки» и нагрев супружеское ложе, всё ещё надеялись увидеть своего благоверного дома (впервые за эту неделю) и чутко прислушивались к шагам на лестнице.

Решался вопрос, что же нам, обмороженным, грязным и уставшим, сегодня делать: оставаться ночевать здесь, на опостылевшем железе, или в предвкушении тепла и домашне-

го уюта сделать рывок и успеть на последний автобус в город. Понятно, что второй вариант был предпочтительней, но оставалась последняя торпеда, засевшая в носовом торпедном аппарате номер два. Чтобы сбылись надежды всего экипажа на достойный отдых в тепле и уюте, кому – в домашней, а кому – просто в чистой постели, от меня требовалось срочно торпеду извлечь, выгрузить на пирс и укатить на специальной каталке на ТТБ8¹. После чего к полуночи ещё можно было успеть домой и оставаться там аж до шести утра. От нас, минёров, зависело хрупкое семейное счастье 22 человек офицерско-мичманского состава. И хотя не все участвовали в выгрузке, все вынуждены были сидеть в своих отсеках по тревоге, как и положено при подобных манипуляциях с боезапасом.

Но мы, как говорится, предполагаем, а Бог располагает. Не суждено было нам ни в эту ночь, ни в другую, да что там – во всю последующую неделю отметитья дома. Хотя и вёл я тогда жизнь скитского праведника: не пил, не курил, жене не изменял, в партию не вступал, но, видно, чем-то всё же успел прогневить Господа. И постигла меня неотвратимая, как крах мирового империализма, кара за что-то когда-то мной содеянное. Я думал, какое же такое злодейство успел совершить в своей тогда ещё короткой жизни, вспоминал детство, юность, «мои университеты», но достойных злодеяний отыскать так и не смог. Ну не считать же махровым зло-

¹ Торпедо-техническая база.

действием распитие бутылки пива на троих в песочнице, будучи уже в детском саду, в старшей к тому же группе. Или угон велосипеда в третьем классе, на котором мы с пацанами полдня катались, набили «восьмёрку», и потом вернули на место. Я уже начал склоняться к мысли, что отвечать приходится за то, что в пятом классе, поднаторев в химии, я самым бессовестным образом выводил из дневника заслуженные двойки и замечания по поведению. Да, безусловно, это страшный грех, но он был так давно, что как-то не верилось в такую злопамятность высших сил. Покопавшись в более близких временах, я наконец нашёл то, что искал.

Да, было оно, злодейство, и не далее как позавчера, и надо же – уже и расплата наступила! Пол-литра спирта, взятого у командира на прошлой неделе для списания утопленного в море бинокля, я по назначению не употребил. Бинокль так и остался несписанным, а весь спирт мы с Васей-механёнком и младшим штурманом выпили в их каюте на ПКЗ9¹, при этом ещё и закусывали казёнными продуктами из провизионки и на чём свет стоит крыли начальство и (страшно сказать) самого командира!

И вот теперь, когда все на взводе и экипаж считает минуты до отхода последнего автобуса, эта проклятая двухтонная болванка застряла в своём логове и наотрез отказывается оттуда выходить. Флагманский минёр – старый облупленный каптри – этих торпед за свою загубленную на подводном

¹ Плавказарма.

флоте жизнь загрузил и выгрузил не одну сотню, но сейчас и он в замешательстве стоит перед открытым зевом торпедного аппарата и чешет отполированную лысину.

Мы же всё делаем правильно, по выверенной и накатанной поколениями минёров технологии! Тут не требуется умение брать тройные интегралы или бином Ньютона различными способами доказывать, тяни-толкай – вот и вся наука. К хвостовику торпеды прикреплён специальный зацеп, трос от которого намотан на электрошпиль. Шпиль гудит-надрывается, тянет, искрит и уже начинает дымиться. Трос – как струна, а торпеда – ни с места.

Подошли в отсек командир со старпомом. Кэп для начала выразился шестиэтажно. Не помогло. Ещё добавил: гамадрилами пьяными обозвал, папуасами рифлёными, румынами гваделупскими и ещё как-то, не помню уже. Всё равно не идёт, зараза! Встали отцы-командиры в недоумении посреди отсека и не знают, чем еще можно помочь. Старпом предложил залезть на трос и попрыгать. Залезли, попрыгали. Боцман к ним присоединился, потом механик. Трос пружинит, гудит – ноль эффекта. Лежит торпеда себе в аппарате, словно приклеенная.

Когда в отсеке появился замполит, у всех затеплилась надежда. Оно, конечно, понятно, что без идеологической поддержки и тут не обойтись, но меня особенно вдохновила масса его тела. И правда, замполит у нас был хороший, килограммов сто живого веса. Чтобы такое добро зря не пропадало

ло, командир и его загнал прыгать на трос. Так они и скакали, пока не устали или не укачались. В итоге командир ещё раз всех обложил: одних за то, что плохо тянули, других за то, что плохо прыгали, и в ещё более страшных выражениях обрушился на «мудоголовых кропателей» из Штаба, по стратегическим планам которых мы завтра уже в семь тридцать утра должны сниматься со швартовых и следовать в Конюхи¹ на погрузку ЯБП11².

– Делайте что хотите, хоть членами своими её оттуда выковыривайте, но до пяти утра о выгрузке доложить! А не то я устрою вам... ужасы половой жизни...!!!

Тут я должен сделать небольшое лирическое отступление и заранее попросить прощения у чрезвычайно интеллигентных и особо чувствительных читателей, а особенно у читательниц, мнением которых очень дорожу. Сам я такие выражения никогда не употребляю и даже не знаю об их существовании. Но командир!.. Как я могу за него отвечать? Заставить молчать всю книгу одного из самых главных персонажей я не в силах. Пусть я потеряю часть своих потенциальных читателей, но против правды жизни пойти не могу. Обращаю ваше внимание, что словосочетания эти – это не какая-то там банальная площадная брань, а высокий штиль, которому есть даже определение в Корабельном уставе. «Флотская ненормативная лексика, – сказано там, –

¹ Бухта Конюшкова в 50 милях от Владивостока.

² Ядерный боеприпас.

это комплекс непечатных выражений, предназначенных для управления кораблём, частью и соединением. Служит весомым дополнением к сводам „командных слов“ и „эволюционных сигналов“, способствует повышению скорости исполнения команд и пресекает всякие сомнения в необходимости немедленных действий по их реализации».

Надо заметить, что командир наш был человек культурный и вполне интеллигентный. Он даже носил очки! Кроме того, читал. Даже сейчас, когда в суе сборов некогда было порой и в галюн сходить, таскал в портфеле потрёпанный томик Платона и в редкие свободные минуты с интересом его листал, и что-то даже подчёркивал. Он не только знал, как правильно поставить в сложноподчинённом предложении неопределенный артикль «бл@дь», но запросто мог перевести на нормальный русский язык и даже ответить какому-нибудь умнику на вопрос типа «На чём основывает уверенность и императивность своего морального действия тот, кто не намерен для обоснования абсолюта этики опираться ни на метафизические принципы, ни на трансцендентальные ценности вообще, ни даже на категорические императивы, имеющие универсальный характер?».

Можно также сказать, что он был истинный джентльмен: если кого и ругал матом, то обязательно с обращением на «Вы». Будучи на берегу, ни одну красивую женщину не оставлял без достойного внимания: комплимента, приглашения поужинать или хотя бы переспать. Жене своей командир

почти не изменял и всегда учил нас, молодых, что супружеская верность – это никогда не изменять жене без необходимости. Как отличный семьянин, отдавал супруге не меньше половины зарплаты, каждый год возил к маме в Ленинград, стоически терпел тещу и никогда не забывал вовремя преподнести жене цветы или какую-нибудь безделушку. С прочими женщинами был галантен и щедр, и даже если сам предпочитал 96%-ный спирт, то их поил вкусной водочкой.

За это ли, за ещё какие достоинства, но женщины платили командиру взаимностью, несмотря даже на его несколько звероподобный вид. Впрочем, даже столь явные признаки интеллигентности, как очки на носу и томик Платона, не мешали командиру быть страшными матерщинником. Как только он приходил на службу и открывал рот, то всё – пиши пропало, сразу же в тексте можно ставить сплошные многоточия. И матерился-то он не со злобы, а как-то само собой получалось и выходило не обидно и даже порой смешно. Вот как однажды, будучи в лирическом настроении, командир рассказал о семейной прогулке в город:

– Идём, – говорил он, мечтательно вспоминая о хорошо проведённом выходном дне, – по Набережной: жена... бл@дь, дочка... бл@дь и я... ёб@ый в рот...

Дальше продолжать не буду, потому как обычному читателю могут привидеться сплошь махровые извращения, чего, конечно же, там и в помине не было. Просто люди вышли погулять в выходной день по городу, что так редко случает-

ся в семье командира подводной лодки. А всему виной эти подлые слова-паразиты.

И вот для того, чтобы не грешить против истины в своём, как мы помним, на целых 95,5% правдивом повествовании, я вынужден следующую фразу, которую произнёс командир, воспроизвести целиком, за что слёзно прошу его извинить. А сказал он буквально следующее:

– Если до утра эта бл@ская железяка не окажется на пирсе, я тебя, минёр, и всю шоблу твою отмороженную буду е@ть смертным ё@ом по колено в крови! По самые гланды, с особым цинизмом, дерзостью и жесткостью проникновения! – после чего грязно выругался, пнул туго натянутый, загудевший, как басовая струна, трос, сверкнул глазами и убыл на доклад в штаб.

Вдохновлённые и окрылённые, мы с удвоенными силами накинулись на подлую «железяку». Чего мы только ни делали! Я даже втихаря, чтобы никто не видел, пробовал строптивицу-торпеду поцеловать. Удалось это мне не сразу и только в заднюю, единственную пока ещё доступную часть. Но даже это не помогло! Исчерпав все внутренние резервы, мы перенесли с палубы в отсек и установили напротив аппарата большую торпедопогрузочную лебёдку. Вновь начали тянуть – не идёт. А лебёдка-то не шутка – пятитонная! Прицепили ещё один, третий уже, трос через систему роликов и погрузочный люк к КаМАЗу-автокрану, стоящему в ожидании на пирсе. КаМАЗ попятился, трос напрягся...

– Ну, – думаю, – сейчас что-то обязательно должно произойти: или трос лопнет, или торпеда выйдет из аппарата – третьего не дано. Только бы там, в отсеке, никого не прибила!

Но нет! Видимо, не испил я ещё до дна всю чашу причитающихся мне страданий! КамАЗ обнадеживающе газанул, пустил густое облако дымовой завесы, отчего тёмная ночь стала ещё темнее и... самым позорным образом начал шлифовать задними колёсами обледенелое железо пирса. Мотор ревёт, дым уже и из-под колёс валит, а машина не движется ни на миллиметр. И тут стало мне так тоскливо и обидно за себя и свою загубленную жизнь, что прямо хоть под этот КамАЗ кидайся. Вспомнилась какие уже по счёту сутки ложащаяся спать одна жена. Вспомнились беззаботные, безоблачные дни детства, юности... Три часа ночи! Нормальные люди лежат в тёплых, уютных постелях, а я тут на морозе, грязный, мокрый от пота и снега, непонятно чем занимаюсь!

Командир из штаба вернулся с лицом суровой, чем у прокурора. Видимо там его пытались изнасиловать, а он из последних сил не дался. Как всегда, командир нашёл нужные слова:

– Обосритесь, – говорит, – хоть все разом! Калом хоть всю её смажьте, но если через час торпеда не будет на пирсе, я вам..., я вас...! – и опять материться начал. Да так, что даже старпом наш, на что уж сам виртуоз в этом деле, признанный истинный ценитель-профессионал, как барышня, побледнел

и затрепетал! Видно, крепко в штабе командиру за нас досталось. Но – нет худа без добра! Слово «смажьте», вылетевшее из его уст в такой оригинальной интерпретации, оживило полёт моей творческой мысли:

– Конечно, надо как-то извернуться и попытаться смазать! Не калом, конечно... Где ж его тут столько взять? Но чем?! И как это умудриться сделать? Ведь торпеда плотно лежит внутри железной трубы на специальных направляющих полосах-дорожках. Туда никак не подлезть, никакую смазку под неё и тем более по всей длине нанести не получится.

Но что-то надо придумать, ведь должен быть выход! Он всегда есть, надо только хорошо его поискать. Муки творчества... Начинаю лихорадочно соображать, перебирая варианты:

– Заполнить аппарат водой?

– Нельзя! Если замочить боезапас, торпеда стоимостью около пятидесяти тысяч народных рублей, тех ещё, полновесных советских, выйдет из строя. Мне же придётся до конца жизни её выкупать!

– Налить через горловину машинного масла? Можно, в принципе, но поможет ли? Масло слишком вязкое, в отсеке собачий холод, не проникнет в зазоры куда надо, не смажет.

– Солярка? Это уже интересней! И тут меня осенило! Школа... органическая химия... Какое самое текучее вещество? Точно, керосин!!! Затечёт даже куда и не надо. Ну конечно, как же я раньше не догадался!

Не буду загружать читателя подробностями поиска. Эта эпопея достойна отдельной главы. Скажу только, что в три часа ночи в заснеженном, промерзшем и, кажется, совсем вымершем городе найти две канистры керосина оказалось намного труднее, чем, возможно, целую цистерну спирта. Но уже в полпятого утра через смотровую горловину в трубу торпедного аппарата я вылил дрожащими руками обе канистры этой – на тот момент самой драгоценной для меня – жидкости, подождал пять минут и добавил ещё – для верности – столько же солярки.

Через десять минут открыл заднюю крышку, через пять торпеда уже была на стеллаже, а ещё через пятнадцать её уже катили бойцы по заснеженному пирсу на тележке сдавать на ТТБ.

В пять утра командир выслушал доклад минёра о завершении выгрузки боезапаса, криво ухмыльнулся и сказал:

– Ну вот, видишь... Я же говорил! А ты – «застряла, застряла»! Это где ж видано, чтобы минёр не смог вытащить то, что сам засунул?

Затем налил по полкружки спирта. Выдохнули, одним глотком замахнули, шпротами закусили, и на душе будто бы полегчало. Через тонкий шланг командир нацедил из канистры в бутылку и со словами «На, по пятьдесят грамм своим налей, чтобы не заболели» передал её минёру.

Через час лодка была готова к выходу в море, а ещё через тридцать минут, согласно планам «мудоголовых кропа-

телей», снялась со швартовых и, зарываясь в бурунах, в клубах пены, понеслась по штормовому морю в Конюхи на погрузку ЯБП.

6

Романтика морских будней

Наконец всё позади, закончился дурдом последних недель. Без оркестра и громких речей ранним морозным утром мы тихо-мирно отошли от пирса и встали на внутреннем рейде родной бухты Малый Улисс для дифферентовки.

Дифферентовка – это то же самое, что балансировка или, как её ещё называют, вывеска. Приготовившись к погружению, задраив люки и водонепроницаемые переборки между отсеками, лодка начинает принимать в балластные цистерны забортную воду, постепенно погружаясь до перископной глубины. Механик гоняет из носа в корму тонны воды, принимает её в уравнительную цистерну или откачивает. Это делается для того, чтобы лодка могла без хода, при нулевой плавучести, сама уверенно погружаться на глубину, не заваливаясь, абсолютно ровно, без крена и дифферента.

Данное мероприятие прошло практически без приключений, только после всплытия вновь обнаружилось огромное пятно разлившегося соляра и выяснилось, что отсутствует старшина команды мотористов, молодой мичман. С утра он маялся похмельной болезнью, так как накануне, во время отходной, сильно перебрал. Сердобольный механик положил

его за станцию управления ГГЭДа12¹ отлёживаться, а когда спохватились, то его там уже не оказалось. Похоже, в последний момент он сумел улизнуть. Разбираться было некогда, но без старшего моториста в море уходить никак нельзя, и мы опять подошли к пирсу. Командир с комбригом тут же кинулись на охоту и, надо сказать, недолго искали беглецу замену. Их жертвой оказался старый мичман Толя Ермолаев, Саныч, как все его называли, добродушный весельчак, моторист с соседней лодки. На свою беду, он сегодня пришёл на службу пораньше и был отловлен ещё на проходной. Комбриг пообещал сообщить Толиной жене, что тот сегодня домой не придёт, и выдал ему из личных запасов дежурную зубную щетку и тюбик пасты.

Саныч вернулся домой через семь месяцев.

Но вот наконец растаяли за кормой бесснежные сопки промозглого Владивостока, и мы, громыхая дизелями и пугая грозным видом корабли всех вероятных и невероятных противников, следуем в надводном положении на юг в благодатный порт Камрань. Мы – это восемьдесят чумазных подводников и наша дизелюха 641 проекта. Кто не знает, что это за чудо, попробую популярно объяснить.

Большая дизельная подводная лодка проекта 641 – так строго и бюрократически-официально квалифицировалась она по нашей терминологии. По американской – игриво и как-то не очень солидно – «Фокстрот». Но даже с таким на-

¹ Главный гребной электродвигатель.

званием наша красавица была самая многочисленная в составе ВМФ СССР того времени, самая вооруженная (10 торпедных аппаратов, 22 торпеды, 2 из них – с ядерной боевой частью), самая быстроходная и долгоплавающая (автономность по нормам 90 суток, на практике – гораздо дольше). И, что особенно важно в боевой обстановке, в подводном положении она была самая малозумная (чем, как бы ни старались, никогда не смогут похвастаться важные атомоходы, даже самые современные).

Был у неё, правда, один недостаток, для кого-то, возможно, не очень существенный, но для экипажа ощутимый и порой даже весьма: лодка была совершенно не приспособлена для жилья. Ежедневно, ежечасно и ежесекундно на своей шкуре каждому подводнику приходилось ощущать полное, как говорится, отсутствие какого бы то ни было присутствия элементарных бытовых условий. Зимой в отсеках холоднее, чем на улице. В надводном положении при зарядке аккумуляторной батареи, когда дизеля работают на продув, сквозняк, что в аэродинамической трубе, всё живое валит с ног. Летом же, а тем более в тропиках, другая беда – изматывающая жара, так как единственный кондиционер (размером в пол-отсека) в исправном состоянии бывает либо первые полчаса после ремонта, либо зимой. Ну а ужасающая теснота – как визитная карточка подводных лодок этого типа.

Ощущение такое, что, когда лодку проектировали, никто особо не задумывался, где же здесь будут жить люди. Когда

построили, дошло, что сама она ходить не будет, людей надо где-то размещать, будь они неладны. Но раскинули мозгами, подумали и... ничего переделывать не стали.

– Подводникам не привыкать, разместятся как-нибудь, – так, наверное, и порешили.

Таким образом, оказалось, что штатных спальных мест хватает только для двух третей личного состава. Очевидно, посчитали, что оставшаяся треть должна постоянно стоять на вахте или спать стоя.

Конечно, в автономке или на боевой службе, когда нет «пассажиров», места хватает всем. И даже последний «карась» – матрос первого года службы – на торпедке, в трюме ли – в конце концов обустроит себе какую-никакую лежанку. На кратковременных же выходах – на стрельбы или отработку задач, когда на борт загружается ещё 8–10 штабистов, которым по законам гостеприимства приходится уступать свои обжитые уголки, несладко приходится всем. Именно в такое время особенно актуальными становятся выражения: «на флоте бабочек не ловят», «в кругу друзей е@лом не щёлкай» и «что такое не везёт и как с ним бороться».

Если же тебе повезло и, сменившись среди ночи с вахты, пройдя по отсекам, переступая через тела, распластавшиеся прямо на проходе, ты обнаружил свободную койку и упал на неё, то не вставай без крайней необходимости, иначе на твоё место тут же завалится другой такой же ночной бродяга, рыскающий по кораблю в поисках пристанища.

А если не повезло? Что делать, если, сменившись в четыре утра, ты под маты сладко спящих подводников, по их рукам и ногам из конца в конец прошел лодку и не нашел свободного пространства для своего усталого тела, а спать остаётся меньше трех часов?

Последняя надежда – второй отсек – офицерская кают-компания размером с купе поезда. Но под рёв вытяжного вентилятора на двух ярусах там уже корчатся четверо господ офицеров. Свободным остаётся стоящий посередине стол – полметра на полтора. И в чём был – в канадке, шапке-ушанке, в валенках (в отсеке холодно – та самая аэродинамическая труба) – заползаешь на это ложе и выключаешься, не успев коснуться головой его твёрдой поверхности.

– Но что за ерунда? Почему свет? Какой гад толкает в спину – я же только лёг! А? Что? Уже семь утра? Пора накрывать на стол?

В глаза бьёт яркий операционный свет (стол кают-компании при необходимости становится и операционным). Ожидая, когда освободится место, с тарелками в руках стоит матрос-вестовой. Очередное утро подводника... Позади неприкаянная ночь, впереди – насыщенный день – морская романтика... мать её!

Неравный бой, или Воспитательные манёвры
Новый день не заставил себя долго ждать. Я ещё не успел

освободить стол, на котором провёл ночь, как вдруг ожил динамик корабельной трансляции и хрипло разразился прямо в ухо:

– Команде вставать, произвести малую приборку!

Ну что ж, надо идти поднимать стадо... Покорный судьбе, я встаю. Вестовой тут же застилает стол скатертью и начинает выставлять посуду. Натыкаясь спросонья на переборки и механизмы, пробираюсь в свой седьмой отсек, командиром которого по боевому расписанию и являюсь. Темно. Со всех сторон слышится сладкое посапывание моряков, забивших, по своему обыкновению, на всё: на корабельный распорядок, на прозвучавшую команду и на вредного лейтенанта, почти их ровесника. Конечно, можно понять и их: в отсеке холод собачий, нос из-под одеяла страшно высунуть, а тут ещё тренировки, приборки – кому это надо? Уж точно не им. Но так уж на флоте повелось, что матросу никогда ничего не надо, и заставить его что-либо сделать, хотя бы даже за собой убрать, – почётная обязанность офицера.

Сухой щелчок рубильника – глаза щурятся от яркого света. Раздаются недовольные голоса с пожеланием оторвать кому-то руки. Начинается вялое шевеление. С кроватей, в три яруса развешенных вдоль отсека, в узкий проход нехотя сползают те, кого бедные американцы тогда считали «советской военной угрозой». Дембеля и годки продолжают нежиться, вылёживая положенные им по сроку службы лишние 10 минут. Несколько энергичных фраз с элементами

ненормативной лексики, несколько резких движений — и койки уже пусты. Остаётся разогнать по отсекам всех лишних — и можно немного расслабиться, пока шестеро оставшихся своих изображают «малую приборку».

Но не всегда это было так просто — обуздать свору забуревших годков, желающих жить по своим законам. Если не поставить себя сразу, тут же будешь осёдлан. Человеческая натура такова, что постоянно ищет, где лучше. Зачастую за счёт других. Эти поиски не прекращаются и в суровых условиях воинского коллектива. На корабле всегда дел невпроорот, но диалектика такова, что матросу всегда интересней водку пить или на боку лежать, чем что-нибудь делать. Задача начальника в этом конфликте интересов заключается в том, чтобы никогда не страдало дело. Соблюсти баланс не просто, а часто и невозможно, поэтому порой случается всякое. Вот и со мной на заре туманной юности произошла история...

Я, ещё розовощёкий молодой лейтенант, пороха и крови не нюхавший, заступаю дежурным по кораблю. Неделию назад был переведён из другого экипажа, поэтому матросов ещё даже по лицам плохо различаю. На борту, кроме меня, семеро вахтенных и пятеро мотористов, оставленных механиком для устранения какой-то неисправности. Остальной личный состав, как и положено, при стоянке в базе, отдыхает в казарме на берегу. Обязанность дежурного в этой ситуации проста, но предельно ответственна — не дать стоящей у пирса

подводной лодке утонуть или, не дай бог, стореть. Это достигается регулярными обходами по всем отсекам с производством замеров, проверок и внесением в вахтенный журнал соответствующих записей. А чтобы бойцы не расслаблялись и были всегда начеку, необходимо ещё сыграть пару учебных тревог по борьбе за живучесть, желательно под утро, когда сон покрепче.

И вот моё первое самостоятельное дежурство по кораблю. Развод, инструктаж, прохождение мимо штаба торжественным маршем. Затем строем прямо на корабль. Заступили, приняли лодку. Всё вроде нормально, только вахтенные как-то странно между собой переглядываются. Исполненный ответственности, я приступил к делу со всей серьёзностью: собственноручно проверил все клапана и задвижки, осмотрел трюма, выгородки, произвёл необходимые замеры и всё равно не мог успокоиться. Шутка ли – мне, без году неделя офицеру, доверили целый боевой корабль! Принимая дежурство, я расписался в вахтенном журнале и вот теперь полностью за него отвечаю! Около полуночи я ещё раз прошёлся по отсекам. Вроде всё в порядке, в трюмах сухо, мерно гудят приборы, которые должны гудеть, молчат те, которые не должны, люди на местах, пару часов можно и вздремнуть. Наказываю вахтенному центрального поста разбудить меня через два часа, уединяюсь в кают-компании и с чувством выполненного долга спокойно засыпаю.

Через два часа меня никто не разбудил, я проснулся сам

через три с ощущением, будто что-то не так. Выхожу в центральный пост – пусто! Никого нет! Где вахтенный? Иду по отсекам. Четвёртый, пятый, шестой – пусто. Ни одной живой души! Подводная лодка, этот самый сложный механизм, к тому же с ядерным оружием на борту, брошена на произвол судьбы! Открываю переборочную дверь в седьмой, и становится ясна причина странных перемигиваний накануне.

В узком проходе между шконками стоит длинный раскладной стол. На нём водка, гора продуктов, украденных накануне из провизионки. Несколько карасей в углу покорно чистят картошку. За столом годки в состоянии, когда море уже практически по колено, поворачивают недовольные физиономии. В глазах разочарование и немой вопрос: чего тебе, лейтенант, надо?

Действительно, а что мне надо? Ну, отдохнут люди, напьются, расслабятся... Ну, морды молодым немножко набьют... Лодка брошена? Ну что ж, послужи за них сам, посиди в центральном посту, полазай по трюмам, по аккумуляторным ямам, и, дай бог, до утра ничего не случится. Только одно «но»: как потом служить с ними дальше? Если сейчас спустить, нечто подобное будет повторяться каждый раз.

Пытаюсь обойтись, что называется, малой кровью, но на вежливое предложение всё убрать и разойтись звучит совсем не вежливое предложение заткнуться и пойти куда-нибудь подальше. С такой формой взаимоотношений между начальником и подчинёнными мне ещё не приходилось сталкивать-

ся, поэтому я растерян. Ситуация выходит из-под контроля. Лихорадочно соображаю, что делать. Самое главное – не потерять лицо и немедленно восстановить порядок. Вспоминаются уроки старпома и старших товарищей. Ясно одно – действовать надо агрессивно и решительно.

Чтобы не пострадали карасы, отправляю их из отсека. Годки за столом недовольны: кто будет прислуживать? Пьяные, развязные голоса предлагают лейтенанту не качать права, а сесть с ними и выпить.

Наверное, тоже вариант... Сразу можно решить все проблемы – сделаться в доску своим парнем, а потом и за водкой, если что, сбегать... Но нет! Не для этого меня пять лет на офицера учили! Делаю последнюю, уже чисто формальную, попытку решить всё мирно: даю минуту, чтобы прекратить безобразие и разойтись. Но минуты ждать не пришлось. После прозвучавших угроз и витиеватого, состоящего целиком из мата предложения, смысл которого сводился всё к тому же «а не пойти ли тебе, лейтенант...», совершенно неожиданно для себя, ударом ноги я опрокидываю стол. Посыпались бутылки, зазвенела посуда, и кому-то стало очень обидно, что такой прекрасный вечер приходится так рано завершать.

Первым подскочил с места и решительно ринулся в бой тот, который уже часа два как должен был стоять в центральном посту на вахте. За ним с явно недружественными намерениями стали подниматься остальные. Отбросив в сторону

всякие условности, на заявление первого «ты чё, сука, сделал!? Да я щас тебя урою!» я ответил прямым ударом в челюсть. Ответил, надо сказать, удачно, потому что до конца свары он под мой кулак больше не попадался. Так и крутил головой, сидя на заднице, тщетно пытаясь подняться.

Заняв позицию спиной к выходу, я изготовился к неравной битве с превосходящими силами противника. Благо, что ширина прохода не позволяла навалиться всем разом, а вынуждала подходить под раздачу по одному, строго по очереди. Выгодная диспозиция позволила мне сорвать планируемый блицкриг, быстро разбить в кровь несколько ртов и носов и значительно охладить наступательный пыл. Какое-то время пьяный кураж заставлял недругов кидаться на амбразуру ещё и ещё, но уже без прежнего энтузиазма. Чувствуя, что правая рука начала уставать, я напоследок отправил в нокаут того, который получил по морде первым и уже почти было оклемался. Вновь развалившись в узком проходе, он загородил собой дорогу нападающим.

Воспользовавшись передышкой, я выскочил из отсека, захлопнул переборочную дверь, а чтобы её невозможно было открыть изнутри, положил на зубья кремальеры болт. Пока пленники не опомнились, я быстро вскарабкался на верхнюю палубу и ломом заstopорил аварийный люк седьмого отсека, исключив всякую возможность выбраться на свободу и этим путём. В довершение снова спустился вниз, полностью обесточил отсек, перекрыл воду и – самое главное

– отключил отопление. А так как на дворе был январь, то через час температура внутри железной бочки сравнялась с забортной. Ещё через час все оставшиеся в отсеке протрезвели, и, как изрѣк легендарный Сильвер из «Острова сокровищ», «оставшиеся в живых позавидовали мёртвым».

Остаток ночи прошел относительно спокойно. Я сам проверял лодку, спускался в аккумуляторные ямы, включал-выключал вытяжные вентиляторы, делал замеры и всё, что положено было делать вахте корабля. Какое-то время по металлу переборочной двери стучали, но после того как я объявил, что тех, кто не вымерзнет и останется в живых, я выпущу на волю не раньше рассвета, стучать прекратили, наверное, начали собирать в темноте одеяла и прятаться под матрацы, чтобы не вымерзнуть окончательно.

Ровно в семь, как и обещал, я подключил все системы жизнеобеспечения, врубил свет и вошел в отсек. Те, кто несколько часов назад хотел меня «урить», заметно присмирели. Кидаться с кулаками больше никто не стал. Щурясь после нескольких часов полной темноты от яркого света, стуча зубами, они нехотя выползали из-под матрацев и груды одеял. Поглядывая друг на друга украдкой, стыдливо отводили глаза – разбитые губы, опухшие носы и заплывшие синими кровоподтѣками глаза, видимо, вызывали не самые приятные воспоминания.

На мой вопрос «Жалобы и заявления имеются?» ответа не последовало. Слышалось лишь угрюмое, сосредоточен-

ное сопение.

– Ну а если все довольны, то «кому стоим»? Быстро навести порядок, и через полчаса всем быть на пирсе, на подъёме флага!

По прибытии экипажа я, как и положено, по форме доложил командиру, что «во время дежурства происшествий не произошло». При этих словах все мои ночные арестанты, стоявшие тут же в строю, мучимые страхом неминуемой расплаты и, возможно, угрызениями совести, заметно напряглись. Они казались ещё бледнее и беспомощнее, чем когда я освободил их из заточения. Зная крутой нрав нашего командира, мудрого воспитателя, ярого приверженца педагогической системы Макаренко, а в прошлом – чемпиона Сибири и Дальнего Востока по боксу, им было чего опасаться.

Но история не получила огласки. Я не стал никому докладывать, а просто в конце дня, перед сменой с вахты, собрал в злополучном седьмом отсеке всех имевших к инциденту непосредственное отношение и там доходчиво, не стесняясь в выражениях, объяснил, какие они скоты, с чем все присутствующие тут же и согласились. Потом они долго извинялись и просили считать конфликт исчерпанным.

Надо ли говорить, что после этого случая все мои распоряжения выполнялись, как и записано в уставе, «беспрекословно, точно и в срок».

О дедовщине и не только

В конце восьмидесятых стало модным ругать последними словами офицеров и армию в целом. Гнилая столичная интеллигенция в очередной раз затеяла крестовый поход против своей страны. Как всегда в этом случае, объектами их нападок стали самые важные для сохранения государственности институты: армия и спецслужбы, которые хоть и считались структурами силовыми, но оказались совершенно бесильными перед подлым предательством изнутри. Продажные журналюги, отрабатывая свои тридцать серебряников, с особым прилежанием принялись за дискредитацию всего и вся.

Результата их разрушительной деятельности долго ждать не пришлось. Однажды, всего лишь на третий год перестройки, какая-то сумасшедшая тётка ни с того ни с сего накинулась на меня в автобусе, обозвала дармоедом и во всеуслышание объявила, что именно такие, как я, развели в армии дедовщину, издеваются над их сыновьями, ничего не делают и объедают государство. Незаслуженное обвинение всегда обидно, но самым неприятным здесь было то, что глупую тётку живо поддержала большая часть пассажиров автобуса. После этого случая я перестал появляться в общественных местах в форме.

Процесс, как говорится, пошел, и очень скоро всё перевернулось с ног на голову. Никому невозможно было что-то объяснить, как-то обелиться. Известные слова Наполео-

на о том, что народ, не желающий кормить свою армию, скоро будет кормить чужую, вызывали в лучшем случае снисходительную улыбку. Преобладало мнение, что наступила эра всеобщего братства, внешних врагов у нас нет и никогда уже не будет, слова Наполеона безнадежно устарели и, следовательно, не про нас. Вместе с тем с небывалым энтузиазмом передовая часть общества кинулась на поиски врагов внутренних. Долго искать не пришлось. Скинули с постамента железного Феликса, поставили в Тбилиси и в Вильнюсе своих солдат. А тут ещё про неуставные отношения в полный голос возопили все кому не лень. Очень скоро у большинства населения страны сложилось стойкое представление о том, что кроме дедовщины в армии ничем больше не занимаются и что именно офицеры насаждают в воинских коллективах это позорное явление. О том, что это бред, знали все, кто служил, но их мнение никого уже не интересовало.

Я ни в коем случае не хочу сказать, что проблемы не существовало совсем. Была, и ещё какая! Появившись в начале семидесятых, когда в армию стали призывать кого попало, в том числе судимых, дедовщина пышно расцвела с началом перестройки. Уголовные понятия, которым при офицерах-фронтовиках не было места в казармах и матросских кубриках, постепенно проникли и сюда. Сложилась неформальная иерархия, согласно которой матрос, отслуживший меньше года, именуемый «карась», обязан был выполнять все распоряжения старослужащих независимо от их званий и

должностей. Годки и дембеля, отслужившие, соответственно, больше двух и двух с половиной лет, уже не драили галюны, не занимались приборками и другими грязными работами, предоставляя это почётное право карасям.

Хочу сказать, что, являясь ярым противником дедовщины, я, однако, усматриваю здесь некоторый элемент справедливости, потому как считаю, что глупо отвлекать на уборку галюна классного специалиста, имеющего богатый опыт и обширные знания, в то время как есть масса молодых, неподготовленных матросов, которым кроме галюна пока и доверять-то нечего. Но одно дело, когда грамотный и требовательный старшина даст оплеуху сачкующему лентяю, и другое, когда какое-то закомплексованное чмо, униженное и обиженное в прошлом и потому затаившее злобу на весь белый свет, начинает тиранить безответных карасей, уверившись, что имеет на это полное право. Отсюда становится ясно, кто же, собственно, издевался над молодыми матросами и солдатами.

Кто они – эти абстрактные «деды» и «годки»? Может быть, это какие-то кровожадные монстры из голливудских кинокошмаров? Нет, это те же самые «духи» и «караси», отслужившие год-полтора и дождавшиеся наконец-то своего звёздного часа. Это те же самые сыновья заплаканных мамочек, в первый год распускающие сопли, жалующиеся, что их обижают, на второй год сами становящиеся садистами. Кто виноват в том, что в звериной натуре человека сидит потреб-

ность гнобить слабого, унижать безответного?

Подавляющее большинство молодых матросов безропотно принимало такое положение вещей. Они работали, терпели, переносили все унижения и побои, ожидая своего звёздного часа, а через полтора-два года сами становились притеснителями, а порой и жестокими истязателями молодого пополнения. Офицеры с разной степени успешностью боролись с этой ущербной системой, но гидра дедовщины оказалась весьма живучей. Зло процветало и крепло, а с началом перестройки приняло совсем уж угрожающие формы.

Я, конечно, рад, что сегодня эта проблема не столь актуальна. С сокращением срока службы до одного года она практически сошла на нет. Но такой радикальный метод лечения болезни сродни не менее радикальному методу лечения головной боли с помощью топора. Я не знаю, чему можно научить матроса за один год, возможно, знают те, кто принимал это популистское решение. Хотя вряд ли они что-то знают, потому как в армии, скорее всего, не служили. Я же уверен, что с дедовщиной можно было покончить, не ставя под удар обороноспособность страны. Как? Очень просто – либо профессиональная армия, либо, извините, террор. Не пугайтесь, я никого не призываю ставить к стенке (хотя в некоторых случаях не помешало бы). Игры в демократию принесли армии немало бед. В итоге что получалось? Офицеров постепенно лишили всех прав, отобрав у них почти все меры принуждения. По этим причинам очень скоро

у командиров низового звена не стало реальной возможности для наведения уставного порядка ни методом принуждения, ни методом поощрения. А именно на этом – на «кну-те и прянике» – во все времена строилось руководство любым воинским коллективом. Изобрести велосипед тут вряд ли получится. Лишив офицеров реальных рычагов воздействия на подчинённых, высокое начальство не удосужилось объяснить, как в таких условиях наказать зарвавшегося «деда» или «годка», не нарушая при этом закона. И как скоро знаменитые своей категоричностью строки Устава «приказ начальника – закон для подчинённого» будут адекватно восприниматься без оговорки «если подчинённый – сам начальник»?

Последним успешным шагом в борьбе чиновников с порядком в вооружённых силах стало упразднение гауптвахты. Потом, правда, опомнились, дойдя до предела и развалив дисциплину окончательно. Гауптвахту вроде восстановили, но процедура оформления туда стала настолько сложной (чтобы не дай бог не нарушились права сажаемого), что командиры часто предпочитали разбираться собственноручно. В описываемые времена поздней горбачёвщины сугубо уставные методы уже плохо действовали. Оборзевшие годки понимали только язык грубой силы и признавали лишь право сильного. Законы практически не работали. Нет, их никто не отменял, но были созданы такие условия, при которых привлечь к ответственности провинившегося матроса

законными методами было крайне сложно.

Конечно, командир, старпом или старые заслуженные офицеры, имеющие непререкаемый, заработанный потом и кровью авторитет, без труда могли держать в узде стадо самых отмороженных головорезов. Кому-то из годков, может, было и плевать на их профессионализм, на прошлые заслуги, на многочисленные автономки и боевые службы, но было не плевать на решимость и крутость нрава, которая подразумевала исполнение приказаний с первого раза и бегом. В противном случае любой матрос, будь он хоть трижды годком, рисковал нарваться на самое жесткое рукоприкладство или на процедуру, которой я не могу подобрать название в обычном русском языке, но каковое имеется в нецензурном его сегменте. Самым приличным аналогом можно считать глагол «драть». Хотя эта процедура и не предполагала прямого физического контакта, но была крайне болезненна для самоуважения и авторитета провинившегося. После пятиминутной беседы на ковре у командира или старпома любому отморозку хотелось, чтобы его просто отпи@дили. Молодым же офицерам подчас приходилось нелегко, ну и, конечно, случалось всякое.

На заре перестройки на одном из кораблей Тихоокеанского флота произошёл такой случай. Молодой офицер запер проштрафившегося матроса в цепной ящик, где тот – назло ему – взял и помер. Был поднят большой шум (гласность как-никак), офицера заклеили позором, судили, и сидит он,

бедняга, возможно, до сих пор. Конечно, это чудовищно – погиб человек (какой – это другой вопрос), но кто виноват? С точки зрения закона сомнений нет – конечно же, офицер. Но что ему надо было делать в ситуации, когда в дупель пьяный матрос, от безнаказанности уже давно забивший на всё, чистосердечно и откровенно посылает всех куда подальше и даже грозит потыкать в лейтенанта ножиком?

Кто-то, очень искушённый в педагогике и демократическом словоблудии, может быть, и утихомирил бы разбушевавшегося отморозка речами, идущими от сердца, но лейтенант по неопытности долго разговаривать не стал, скрутил нахала и от греха подальше поместил до вытрезвления в импровизированный карцер. А куда его надо было девать? Погода была жаркая, а в карцере, понятно, тоже было тепло. То ли денатурат на этот раз оказался особенно ядовитым, то ли с чудовищного похмелья не выдержало на жаре сердце, то ли просто срок ему свой пришёл, но матрос взял и умер. А кто виноват? Правильно, – офицер. И ни в коем случае не те, кто придумывал и принимал эти дебильные законы, полностью лишившие командиров дисциплинарной власти.

Из многовекового опыта флотской службы следует такой вывод: «куда матроса ни целуй, везде у него жопа». Сказано грубо, но метко и на сто процентов верно. Ничего не поделаешь, такая уж там анатомия. С этим, кстати, были согласны и сами матросы. Некоторые, уходя на дембель, откровенно говорили, что меньше надо было с ними церемониться, а боль-

ше драть. Также никто из разбирающихся в сути вопроса не будет спорить с тем, что, как за бойцом ни следи, он, как та свинья, которая везде грязь найдёт, если захочет напиться – изыщет тысячу способов это сделать. Так произошло и у нас ещё при нахождении лодки в родной базе.

Трое матросов, усыпив бдительность своих непосредственных начальников, смылись в самоволку в город. Там они благополучно привели себя в нетрезвое состояние, попросту – нажрались, и в поисках приключений на свой зад умудрились изнасиловать проститутку. Я этот объект потом видел, сомнений относительно рода её профессиональной деятельности не возникало никаких, возникал только вопрос – почему изнасилование? Но грех совать нос в дела сердечные. Может быть, там была неразделённая любовь? А может, кто-то из троицы неосмотрительно пообещал жениться? Скорее же всего у парней просто не оказалось денег. Но, что бы там ни было, итогом увеселительной прогулки стало уголовное дело по статье 117 УК РСФСР.

Должен сказать, что милиция оказалась на высоте. Улик было не много – три маркированных по спине номером войсковой части ватника с фамилиями владельцев на внутренних карманах. Но проявив чудеса смекалки, пинкертоны из райотдела всего лишь через две недели вышли на след злодеев. Бойцы были арестованы и впоследствии получили по заслугам. Но, как оказалось, виноваты были вовсе не они, а их непосредственные начальники – офицеры, которые не

доглядели и не предотвратили. Именно поэтому «нормальные парни, комсомольцы, отличники боевой и политической подготовки прячутся сейчас на нарах».

Именно эту мысль на следующий день после задержания отличников боевой и политической подготовки нам два часа втолковывал инструктор политотдела – упитанный, розовощекий полковник в новомодных, в металлической оправе очках, специально прибывший в экипаж провести воспитательную беседу с офицерами. Лет ему было около тридцати пяти, гладкий, холёный, похожий на наливное яблочко. Несмотря на внушительное звание, по всему было видно, что тяготы и лишения военной службы счастливым случаем обошли его стороной. В то нелёгкое время стать до тридцати пяти лет полковником можно было либо слетав в космос, либо героически сражаясь на переднем крае идеологического фронта. Исполненный благородного гнева, сверкая плоскими, как у Берия, стёклами очков, он обвинял нас в халатности, попустительстве, непрофессионализме и во всех остальных грехах. Было бы не так обидно услышать подобное от командира, комбрига или другого боевого офицера, который, как говорится, в теме. Который если уж и учинит разнос, то за дело, потому как сам во всем знает толк и право имеет. Но слышать разглагольствования этого хлыща было невыносимо!

Тут в ленинскую комнату заглянул командир. Должно быть, проходя мимо, он услышал несколько ярких фраз из

вдохновенного выступления оратора. Бросив взгляд на наши кислые физиономии, он понял, что здесь происходит форменное «избиение младенцев».

– Ты, полковник, что тут устроил? – начал командир почти дружелюбно.

– Да вот, по заданию начальника политотдела провожу с офицерами беседу, разбор полётов, так сказать, – браво, чуть с вызовом ответил тот. – Дисциплина тут у вас, понимаете, хромает, матросы в самоволки шлятся, а офицеры не следят, бездействуют... так сказать... – предчувствуя недоброе, сбавил он тон.

– А ты, значит, лучший специалист по воспитанию личного состава? – смерив политработника недобрый взглядом, поинтересовался командир. – Так переходи к нам на лодку, а то что же ты там у себя в штабе прозябаешь? Да и нам здесь прямо ну никак без твоего драгоценного опыта! А мой старпом пусть в политотделе месячишко за тебя балду попинает, может, харю, как у тебя, наест!

Замечу, что время было хоть и перестроечное, но ещё вполне застойное, и такие хлыщи – политработчие – имели реальную власть. Успешность карьеры любого офицера часто могла зависеть от них. Но нисколько об этом не беспокоясь, командир продолжал в обычной своей манере (часть его не совсем литературных выражений я по понятной причине опускаю):

– Ты вот – целый полковник, а вот скажи мне, уважаемый,

ты живого матроса, кроме как с трибуны, в глаза-то видел? А в море дальше, чем на рыбалку на штабном катере выходил?

Не привыкший к такому обращению небожитель из политотдела глубокомысленно молчал, позабыв закрыть рот.

— А мои офицеры из морей не вылазят! Даже сейчас, при стоянке в базе, дома в лучшем случае раз в неделю бывают! Так чему ты их пришёл учить, ... полковник? Как матросов воспитывать? Да поставь тебя сейчас одного перед строем, так у тебя очки запотеют и штаны промокнут в пять секунд...

Тут командир отвернулся от гостя и, словно того уже не существовало, принялся решать с нами рабочие вопросы. Близилась автономка, экипаж находился в состоянии сопутствующей ей суеты. За пару недель предстояло пройти проверку штаба флота, провести учебные стрельбы, сделать по ним отчёт, сменить боезапас, принять зачёты у личного состава, проверить технику, получить запасы и т.д. Времени катастрофически не хватало. Выслушав доклады, дав необходимые распоряжения, командир вышел, не обращая внимания на полковника. Так же поступили и мы, шутя и переговариваясь, шумно проследовали мимо трибуны на выход. Полковник политической службы так и стоял с открытым ртом.

события, приятно разнообразившие беспросветную серость трудовых будней моряка-подводника. Как ни странно, самое трудное в морской службе — это не выходы в море, не погружения-всплытия, не тревоги и вахты, не стрельбы и автономки, а стоянка в родной базе. Сразу же по приходу лодки из моря экипаж попадает в рутину береговых мероприятий. Свора штабных начальников лезет с бесчисленными проверками, требует отчёты, планы, конспекты. Всё свободное время тратится на составление никому не нужных бумаг. Дни напролёт береговые наряды, дежурства, патрули, гарнизонные караулы, приборки в казарме и на прилегающей территории, строевые смотры и т.д. и т.п. Только в море можно было ожидать хоть какого-то спокойствия. И это несмотря на вахты, тревоги, тесноту, холод и бытовую неустроенность. А боевая служба на шесть-семь месяцев в южные моря воспринималась не иначе как поездка на курорт за государственный счёт.

И вот всё позади: холод и всепроникающая сырость, неделями не снимаемые свитера и канадки. Остался уже в прошлом и переход в тропиках: духота вонючих отсеков, потные полуголые тела, запрессованные в железную бочку и обитающие там, в тусклом свете забранных в решётки плафонов, среди немыслимого нагромождения железных конструкций. Позади ночи в переполненном людьми отсеке, когда, просыпаясь под утро от ощущения необъяснимого дискомфорта, ты несколько минут усиленно дышишь полной грудью и не

можешь испытать привычного удовлетворения от вдоха.

По мере нашего планомерного продвижения на юг неумолимо понижался географический градус северной широты, но также неумолимо и пропорционально ему повышался вполне ощутимый физический градус среды нашего обитания. В пятом и шестом отсеках, дизельном и электромоторном соответственно, температура порой поднималась до пятидесяти, а то и более градусов. Всё это в сочетании с неистребимым запахом солянки, перегретого машинного масла, полумраком и оглушительным грохотом трёх двухтысячесильных низкооборотных дизелей со временем всё больше напоминало преисподнюю, а копошащиеся под низкими сводами чумазные мотористы – маленьких старательных чертенят. Вместо положенных четырёх вахтенным у дизелей было разрешено меняться через два часа. При этом заботливый доктор перед заступлением на смену каждому из них выдавал по ампуле нашатырного спирта, чтобы в случае дурноты ампулу можно было раздавить и успеть привести себя в чувство.

Две недели перехода – и мы во Вьетнаме! Чтобы испытать ощущение нашего восторга, достаточно понять, что в то время счастье побывать за границей редко выпадало на долю военных моряков, а особенно подводников, чьи плавания в основном бывали автономными, то есть без заходов в порты.

Настоящие пальмы!!! Невероятный, терпкий, совершенно незнакомый тропический аромат! В феврале – яркое солнце,

ультрамариново-синее тёплое море. Эх, нам же за это ещё и деньги будут платить!!!

И вот мы стоим на рейде посреди живописной бухты. От громадной горы с колючими каменистыми склонами, с оползнями красно-кирпичного цвета к воде спускается отлогая равнина. Она местами покрыта жёстким низкорослым кустарником, местами – красноватыми песчаными проплешинами. У подножья, у самой воды, белеют одно-двухэтажные строения колониального вида, стыдливо скрывающиеся под сенью кокосовых пальм.

Раннее утро, часов шесть. Только-только рассвело. Ждём подхода катера с командиром местного соединения подводных лодок, к которому мы поступаем в подчинение. На мостике блаженно щурятся несколько офицеров, выползших пораньше из духоты прочного корпуса под ласковые лучи мягкого, ещё не жгучего солнца. Вокруг уже снуют, тархтят моторами юркие джонки аборигенов. Я смотрю по сторонам широко раскрытыми глазами, пытаюсь всё почувствовать и впитать. Никак не получается представить, что где-то есть зима, снег и собачий холод. Мне кажется, что именно так должен выглядеть рай.

И вот долгожданный катер доставил на борт нашего нового комбрига – капитана первого ранга, серьёзного мужчину грозного вида и почти двухметрового роста. Наши доморощенные острословы тут же придумали ему прозвище Бивень. Спустившись в центральный пост, новый начальник,

ни слова не говоря, прошел всю лодку от носа до кормы. Вернувшись в центральный пост, он тяжёлым взглядом, от которого съёжился даже пробегавший мимо корабельный кот Батон, оглядел присутствующих и мрачно изрёк: «Ну что ж, тут есть чем заняться, приступим, пожалуй...» Затем приказал сниматься с якоря и двигаться к причалу в порт, где, как мы поняли, нас уже очень ждут.

Не успели мы ещё толком пришвартоваться, как на лодку с проверкой хлынула толпа проверяющих из штаба соединения. Должен сказать, что в состав данного соединения входило всего две подводные лодки – наша и ещё одна. Эта вторая завтра отчаливала курсом на Владивосток после полугодового дежурства здесь. Мы же оставались в одиночестве перед лицом многочисленной штабной братии, которая следующие полгода будет крутиться исключительно вокруг нас.

Как хищники, дорвавшиеся до добычи, они тут же начали проверять, строчить замечания, докладывать о выявленных нарушениях, отрабатывая свой нелёгкий штабной хлеб. Результатом их деятельности явилось объявление кораблю организационного периода. Для устранения недостатков нам предписывалось незамедлительно готовиться к выходу в море. Там встать на якорь и вдали от благоухающего берега и всех его соблазнов, в духоте и сырости две недели чистить и красить железо, учиться, тренироваться, готовить документацию, то есть заниматься, как это тогда называлось, организацией службы.

Должен сказать, что лодка наша была чиста, как операционная, механизмы исправны, бойцы должным образом обучены и надрючены, механик и старпом своё дело знали, но, видно, такая здесь была традиция – вновь прибывших на берег сразу не пускать, а дать им недельки две пообтесаться на рейде.

10

Что такое хорошо и что такое плохо, или О том, как плохо иногда бывает хорошо

Перед отходом на якорь нам великодушно были даны два дня для обустройства на новом месте. Как я уже говорил, при нахождении подводной лодки в базе экипаж в полном составе обитает в казарме на берегу, оставляя на корабле лишь несколько человек вахтенных.

Строение, где нам предстояло жить следующие полгода, было бы кощунством назвать казармой. Двухэтажное бело-розовое здание оригинальной архитектуры больше походило на шикарную виллу и располагалось на территории базы среди ещё пяти-шести такого же вида построек. Под стеклянной крышей – внутренний дворик-холл, на уровне второго этажа окружённый балюстрадой. На неё по периметру выходят двери офицерских кают и матросских кубриков. Все жилые помещения снабжены кондиционерами, и – самое главное – в кранах постоянно есть вода! Лей сколько хочешь горячую, холодную – и не надо экономить. Данный факт все

по достоинству оценили, так как на лодке, откуда мы только что вылезли и куда нас на две недели снова хотели запереть, пресной воды было в обрез, а если и удавалось помыться, то только забортной – холодной и солёной.

Два дня на берегу в человеческих условиях погасили романтический пыл и отбили всякую охоту бороздить просторы мирового океана. По этой ли причине, или она сама сломалась – история, как говорится, об этом умалчивает, – но утром третьего дня во время приготовления корабля к двухнедельной ссылке выяснилось, что не работает осушительный насос первого отсека, в просторечии – помпа. Со скоростью света обнадеживающая весть разнеслась по отсекам, сея реальную надежду остаться на берегу на неопределённое время – до её починки. Никто из начальников не взял на себя ответственность отправлять в море лодку с серьёзной неисправностью, тем более – влияющей на живучесть, и мы остались на берегу.

Механики развели неспешный ремонт, и члены нашего экипажа – как и было тогда положено, все поголовно атеисты – глядя на них, тайно молились о его нескором окончании. Молитвы ли комсомольцев и беспартийных помогли, или то, о чём опять умалчивает история, но после двухнедельного ремонта своими силами выяснилось, что в полевых условиях помпу починить нельзя. Требуется либо доставить её на завод, либо заменить новой. Ещё неделя прошла в поисках решения, потом вторая – в согласованиях, в конце концов

через месяц с ближайшей оказией из Владивостока на гражданском рефрижераторе, следующем за бананами в Хошимин, к нам приехала новая, в смазке и заводской упаковке, соблазнительно сверкающая деталями из цветного металла драгоценная помпа.

Но этим история не закончилась. Возможно, где-нибудь в Америке или у других каких скучных капиталистов помпу тут же поставили бы на своё место и не над чем было бы даже посмеяться. У нас же всё не так просто. У нас всё гораздо более непредсказуемо и, следовательно, веселее. Разве возможно, чтобы у нас всё получилось сразу? Конечно же, помпа не подошла! Её, весом в несколько тонн, за пять тысяч километров привезли – и не ту!!! Ну, перепутали, с кем не бывает!

Я не слышал красноречивый монолог комбрига, обращённый по этому поводу к офицерам своего штаба, о чём до сих пор очень жалею. Но, по свидетельству очевидцев, страх был такой, что местные собаки, мирно спавшие на другом конце пирса, в панике подскочили и, поджав хвосты, бежали несколько километров без оглядки, после чего, обессиленные, упали прямо на дороге, где в беспомощном состоянии были подобраны проходившими хунтотами и съедены ими на обед. Хотя, может быть, и врут эти самые очевидцы – не знаю, но собак тех я больше не видел.

То ли в результате этого происшествия, то ли из-за того, что наш механик перепугался ещё сильнее тех бедных со-

бак, — об этом снова история умалчивает — но на следующий день штатная помпа была уже исправна, причём пригодилась и та, которую накануне доставили из Владивостока. С этого агрегата стоимостью не менее 50 000 рублей (в тех ещё ценах, когда доллар по официальному курсу стоил 62 копейки) пригодилась и немедленно оказалась снята только одна-единственная копеечная шестерёнка, после чего помпа с почётом была отправлена на вечное хранение на один из многочисленных складов ПМТО. Дальнейшая её судьба неизвестна, но с большой долей вероятности можно утверждать, что там она недолго мозолила глаза и в скором времени какой-нибудь ворюга-прапорщик продал её по частям за пару сотен долларов аборигенам как цветной металл.

11

Пропавшая экспедиция

Жара... На небе — ни облачка. Вода, как стекло, — штиль. На корпусе от жары пузырится краска. Механик, ступив на палубу в резиновых шлёпанцах, прилип подошвами. Пока стоял, пытаясь оторвать ноги, поджарил пятки. Охая, спустился вниз, позвал доктора. Сейчас с намазанными вазелином ступнями лежит в своей каюте размером два на полтора и, обливаясь потом, лечится под наблюдением доктора спиртом.

Спирт — кипяток, в каюте, что в сауне, но бутылка стремительно пустеет, и дружеский разговор в самом разгаре. Вот

они – чудо-богатыри земли русской! Это вам не какой-то там марш-бросок на двадцать километров, здесь здоровье надо иметь, чтобы не окочуриться. Учись, спецназ!

Идет к концу вторая неделя нашей ссылки. Стоим на якоре километрах в пяти от берега. С другой стороны совсем неподалёку – живописный островок в стиле Баунти, по карте смотрели – Муй называется.

Сегодня воскресенье – законный день отдыха. Весь экипаж, исключая, разумеется, доктора с механиком, которым и так уже хорошо, вылез из душегубки на раскалённую палубу. Чтобы можно было ходить, не рискуя обжечь пятки, из пожарного рожка время от времени на неё и на всех на ней находящихся обрушивается струя забортной воды. Визг, хохот, плеск.

Народ купается, самые смелые ныряют с ограждения рубки. Особым шиком считается, нырнув с одного борта, пройти под килем и вынырнуть у другого. Я попробовал – понравилось, только опасно. Есть вероятность при всплытии столкнуться лбом с летящим вниз другим ныряльщиком, который не подозревает, что ты всплываешь ему навстречу.

Тут же в вечной надежде что-нибудь стащить снуют юркие джонки хунтогов. Боцман в позе Рэмбо с брандспойтом наперевес стоит на ограждении рубки и мощной струёй отгоняет самых назойливых.

Считаю необходимым разъяснить читателю суть этого не в первый раз появившегося и всё ещё не знакомого ему сло-

ва. Хунтотами мы называли, как вы уже догадались, местных жителей, но не всех, а только тех, которые обитали на полуострове с нами по соседству. Это были здешние рыбаки, промышлявшие в окрестных водах на своих утлых посудинах, и военнослужащие из расквартированных неподалёку частей Вьетнамской народной армии. О последних говорили, что их вообще не кормят, а чтобы им легче было добывать пропитание, поселили поближе к русским. Жили они в длинных приземистых сооружениях, издалика похожих на шалаши, с ажурными стенами, частью собранными из железных аэродромных плит, частью из развешанных между столбами драных циновок. Крышей у них считалось переплетение бамбуковых прутьев и ржавой проволоки над головой с наваленными поверх ворохами тростниковой соломы.

Конечно, само по себе слово «хунтот» звучит несколько оскорбительно, по-вьетнамски оно означает «плохо, плохой». Но из этого не следует, что мы как-то нехорошо относились к нашим «младшим братьям» и верным союзникам по социалистическому лагерю. Они были отличные ребята, тянули, правда, всё что ни попадя, но это не по причине патологической склонности, а из-за бедности. Мы с большим уважением относились к их старым офицерам. Это были те ещё порохом пропахшие вояки, которые с десятков лет тому назад дали по зубам зажавшимся американцам и заставили их убраться восвояси. Таким образом, «хунтот» в нашем случае было не оскорблением, а скорее синонимом нашего

слова «плохиш» в снисходительной интерпретации. Отсюда же происходило и название весьма важного местного продукта – «хунтотовки», рисовой водки, малоградусной, чрезвычайно вонючей, но хорошо шибящей по мозгам.

Сейчас уже не вспомнить, кто предложил сплавать на островок Муй, вторую неделю притягивающий к себе наши заинтересованные взоры, но идея понравилась. Старпом дал добро. Быстро были надуты две автомобильные камеры, на них погружены акваланги и всё, что потяжелее, и вот экспедиция из шести человек, экипированная ластами и масками, собранными со всего экипажа, отправилась в дальнейшее плавание.

Путь до острова при попутном ветре занял минут тридцать. Сильно тормозили камеры с грузом, которые пришлось тащить за собой на буксире. Вот и остров. Высадившись на его ослепительно белый песок, истосковавшиеся по твёрдой земле члены экспедиции разбрелись по берегу.

Я и Васёк, командир моторной группы, второй человек нашей электромеханической боевой части (после богатыря-механика, разумеется) и мой закадычный друг, надели акваланги и решили, что пока остывает спирт, можно немного обследовать прибрежный шельф. Вооружившись бамбуковой палкой, я начал погружаться по откосу уходящей в глубину скалы. Вася последовал за мной.

Открывающаяся перед стеклом маски картина захватила дух и наполнила душу щенячьим восторгом: это же как в

фильмах Кусто, которыми я засматривался в детстве. Но там всё было черно-белое, а здесь – какие цвета, какие краски! Кораллы, куда ни кинь взгляд – белые, розовые, красные. И рыбы: большие, величиной с ласту, и маленькие, как аквариумные, такие же перламутрово-разноцветные и необычные. Всё блестит, живёт, движется! А вода до того прозрачная и вдали такая синяя, что кажется, будто кто-то специально рассыпал вокруг острова несколько мешков ультрамарина.

Вся подводная часть скалы облеплена пятнистыми каури. Оторвав несколько роскошных экземпляров размером с ладонь, мы с Васей продолжаем путь. Метрах в двадцати от уходящей в песок каменной стены новая находка: в расщелине между рифов на гальке лежит прекрасно сохранившийся старинный якорь с обрывком цепи. Жалко, что забрать его никак не получится. Весит килограммов двести, да и куда девать? В люк не пройдёт, на корпусе закрепить командир не разрешит.

Из норы у подножия рифа скалит зубы полосатая мурена. Вася легкомысленно дразнит её концом ласты. Но после того как мурена отхватила кусок, причём на удивление ровно, он понял, что не следовало этого делать. Хорошо ещё, что не додумался руку засунуть в нору!

Плывём дальше. Глубина метров двадцать, под нами уже песок, какие-то холмики. Тыкаю палкой в один и от неожиданности чуть не захлебываюсь. Холмик снимается с места – и, переливаясь волнистой мантией, грациозно, не спеша,

в метре от нас проплывает полутораметровый скат. Едва не касаясь меня, он делает круг и гигантской бабочкой в дрожащих лучах косо пробивающегося на глубину солнца растворяется в придонном мраке, оставляя нас в оцепенении.

Воздух на исходе, пора возвращаться на берег.

Тем временем наши товарищи не сидели без дела. Они наловили рыбы, причём сделали это совершенно оригинальным способом, переданным по наследству экипажем предыдущей лодки: метрах в десяти от берега высыпается специально припасённый пакет с пищевыми отходами, и в течение буквально нескольких секунд поверхность воды начинает закипать сверкающим живым серебром. Тут главное не зевать, а занять на импровизированном плавсредстве устойчивую позицию и за полторы-две минуты обыкновенным сачком наполнить рыбой все захваченные с собой ёмкости.

К нашему возвращению на берегу уже развели костёр, зарядили уху и – насколько это было возможно при температуре моря тридцать градусов – остудили спирт. Время пролетело незаметно. Выпив и закусив, понежившись на белом кварцевом песке, до одурения накупавшись, я стал собираться в обратный путь, рассчитывая за час налегке добраться до лодки и успеть на свою вахту. По прибытии на борт за пару банок тушёнки я должен был зафрахтовать хунтотовскую джонку из тех, что дежурят рядом, и отправить её на остров за основным составом экспедиции.

Надев ласты, я взял курс на субмарину, сверкающую ан-

трацитовым глянец бортов под лучами заходящего солнца где-то, как мне казалось с поверхности воды, у самого горизонта.

12

Между двумя безднами

Первую тревогу я почувствовал, когда через час усиленной работы ластами обнаружил, что проделал не более трети пути.

Течение! Как же я сразу не догадался!?

Взяв в створ береговые ориентиры – остатки старого, ещё от американцев, пирса и развалины каких-то строений, я заметил, что почти не двигаюсь с места, а если перестаю грести, меня тут же начинает относить, причём не в сторону берега, а напрямик в море.

Это открытие мне не очень понравилось. А если учесть, что с наступлением вечера начало стремительно темнеть, что я устал и чужими ластами уже основательно натёр ноги, то вскоре возникло и весьма обоснованное беспокойство. Совершенно некстати вспомнился потревоженный на глубине скат и зубастая мурена, с которой Вася неудачно пытался свести знакомство.

– Какая подо мной сейчас глубина? Метров двести-триста? А может быть, километр? – И как-то неуютно стало после того, как представил под собой толщу воды в пару трамвайных остановок. В голову полезли непрошенные мысли: –

А есть ли здесь акулы? И что делать, если захотят напасть?

Где-то я читал, что акулу при нападении надо бить кулаком в глаз. Но что делать, если сейчас какая-нибудь зубастая тварь сидит прямо подо мной на дне, смотрит на мои трепыхания и облизывается в предвкушении неожиданного ужина? Короче, настроение, безоблачное в течение всего дня, этими мыслями было окончательно испорчено.

Ожидая нападения акул, я тем не менее успевал подумать и о всякой другой дряни. Например, о том, что у меня может случиться судорога, что я не смогу двинуть ногой и утону. Или о том, что я могу выбиться из сил, что моё сердце может не выдержать напряжения, отказать и – опять же – я утону. То, что до сих пор у меня ни разу не случалось судорог, хотя родился и вырос на море, что, бегая на физподготовке по десять километров, я до сих пор не знал, с какой стороны у меня находится сердце, – это сейчас в расчёт не принималось. Я стал прислушиваться к своему организму и уже начинал ощущать покалывания то в одной, то в другой ноге, то в правом, то в левом боку, а то и в обоих сразу.

– Надо успокоиться и взять себя в руки, – строго сказал я себе. Я, помнится, даже себя выругал, причём нехорошими словами. Это подействовало. Далее, следуя принципу, что даже в плохом всегда нужно стараться найти что-то хорошее, я начал усиленно думать, что же в этой ситуации можно найти положительного. Думал, думал, нещадно напрягая мозги, но на ум ничего не приходило. Наоборот, вспомнил, что уже

безнадёжно опоздал на вахту и старпом меня за это в порошок сотрёт.

Между тем погас мгновенный закат, стремительно накатили сумерки, и не успел я опомниться, как стало совсем темно. Обессиленный, со стёртыми в кровь ногами, один среди враждебного моря, я упорно продолжал плыть вперёд. Выбиваясь из сил, я отдыхал, лёжа на спине, качаясь на волнах, и вновь обречённо продолжал путь во тьму.

А тем временем над головой вспыхнуло и застыло невероятное, сверкающее чудо. Казалось, что вселенная решила бесстыдно обнажиться передо мной, являя взору все свои доселе скрытые сокровенные тайны.

«Открылась бездна, звезд полна
Звездам числа нет, бездне – дна...»

Абсолютная прозрачность воздуха и крошечная темнота вокруг сделали звёздный купол каким-то нереальным. Некоторые звёзды представлялись такими близкими, что казалось – протяни руку и можно взять. Растворилась граница между морем и небом, казалось, что я сам плыву среди звёзд, проваливаюсь и несусь с бешеной скоростью в манящую, сверкающую глубину. При этом замирало сердце, ощущался неподдельный страх, возникало желание за что-нибудь зацепиться, чтобы предотвратить это сладостное падение.

Куда меня несёт? Где я? С наступлением темноты и с ис-

чезновением в ней берегов я этого определить уже не мог. Оборвалась последняя связь с землёй, остановилось течение времени. Лёжа на спине и качаясь на волнах над одной бездной, я растворился в бесконечности другой. Страх прошёл, мне представилась вся моя ничтожность в этой непостижимой сверкающей глубине.

– Ну и что с того, что весь я такой хороший! – думалось мне. – Что я учился, прочитал много книг, что офицер флота, что меня ценят и уважают... Всё это было где-то там, далеко! А сейчас, здесь, в этой искрящейся чёрной пустыне, я уже никто! Сейчас приплывёт зубастое тупое чудовище без единой извилины в мозгу, и ничто не помешает ему перекусить меня пополам, такого всего положительного и важного... Никого, кроме меня самого, здесь совершенно не интересуется, что живу я уже двадцать пять лет и что дальше жить хочу! Кого здесь может волновать тот факт, что я вообще существую, что у меня есть душа, мысли, чувства? Что меня где-то ждут, волнуются, любят... Я тут просто пища, насколько вкусная, не знаю, но свежая и, наверное, весьма калорийная...

Почти смирившийся с неизбежным, я качался мельчайшей пылинкой среди безбрежного моря, под куполом бездонной вселенной, среди бесчисленных миров и, возможно, там бы навсегда и остался, если бы не вспомнил, что моя гибель принесёт горе родным и массу проблем ни в чем не повинным людям. Командир и старпом однозначно будут же-

стоко наказаны, и на их карьере смело можно будет поставить крест. Я представил себе горе молодой жены, слёзы матери. Но самым неприятным в этой ситуации было то, что мой ещё не родившийся, но уже существующий во плоти ребенок может никогда не увидеть своего отца...

Нет! Со всем этим смириться я никак не мог! Воспитание не позволяло допустить, чтобы из-за моей оплошности пострадали совершенно невинные люди. Именно это – ответственность за близких людей, за порученное дело – впоследствии не раз помогало мне не опускать руки, вставать на ноги, выпутываться из, казалось, безвыходных ситуаций. И я решил бороться до конца!

Для начала необходимо было поднять боевой дух. Не имея возможности ничего изменить в ситуации, я постарался изменить своё отношение к ней. Я огляделся вокруг, и на этот раз окружающий мир предстал передо мной в совершенно ином свете.

– Так вот же оно – то хорошее, что можно найти в сложившейся ситуации! Один, среди моря, в крошечной темноте, под недоступным и таким близким небом! Когда бы я имел возможность раствориться в этой великолепии застывшей вечности?

И вдруг что-то произошло, словно камень упал в густую черноту бездонного искрящегося водоёма. От центра, расходясь, побежали концентрические волны, искривляя и приводя в дрожание небесную сферу. Я почувствовал на себе

взгляд! Кто-то пристально глядел на меня. Блистающее небо над головой продолжало непостижимым образом кривиться и выгибаться. У меня перехватило дыхание, и я ощутил присутствие некой высшей силы. Была ли это вызванная переутомлением галлюцинация, или действительно перед моим взором возникло Божественное Видение, я не знаю, но чёрное небо явило мне расплывчатый туманный силуэт. Это был не тот иконный растиражированный образ – это был лик неведомого мне Вселенского Творца.

Я впал в странное оцепенение. Меня поглотило ощущение огромности и величия этой до сей поры неизвестной мне космической сущности, пронзило чувство полной растворенности в ней. Трудно сказать, сколько прошло времени, но когда я смог пошевелиться, то сразу почувствовал, что руки и ноги мои налились силой, от усталости и сомнений не осталось и следа. Я уже знал, что и как должен делать, и нисколько не сомневался в том, что спасусь.

Я снял и отправил на дно тяжеленные ласты, причинявшие при каждом движении невыносимую боль. Где-то далеко, у самого горизонта, мерцал тусклый огонёк нашей лодки, и во все стороны света, куда ни глянь, не было больше ни единого проблеска.

По-морскому, саженками, разгребая в стороны, я двинулся в заветном направлении. Я дал себе клятву не прекращать работать, пока не окажусь на борту лодки или на берегу. Потеряв счёт времени, я забыл про усталость. Моё тело всё ис-

крилось блёстками планктона, а на воде за мной оставался, вспыхивая пятнами и угасая, таинственно переливающийся живой мерцающий след.

— Что сейчас на лодке? Был ли вечерний чай? Добрались назад остальные?

Всполохами возникали мысли, сменялись новыми, размазывалась вдаль светящаяся дорожка. Летело время, я непрерывно грёб. Огонёк не приближался...

Чтобы не думать, что творится подо мной, и не вспоминать виденное днём на глубине, я начал читать про себя самое длинное произведение, которое знал тогда наизусть, — «Евгения Онегина». Как хорошо, что некоторое время тому назад я для тренировки памяти заставил себя его выучить! Чем бы я сейчас занимался? Начав чтение, я совершенно отвлёкся от действительности. На смену глупым страхам и опасениям пришли живые картины и образы. Время летело незаметно...

Вдруг моя голова с деревянным стуком ткнулась во что-то твёрдое. Чёрный борт вьетнамской джонки!

Вспыхивает тусклый огонёк, недоумевающие и испуганные лица хунтогов вопросительно и с опаской смотрят на меня. Люди мирно спали в своём утлом жилище на волнах, надеясь ближе к утру незаметно подойти к подводной лодке, отвинтить какую-нибудь гайку или отрезать кусок капронового конца, а тут невесть откуда взявшийся русский чуть не пробил своей пустой головой борт и, ни слова не говоря, не

спросив разрешения, лезет из воды к ним на судно!

Выбравшись, я постарался принять максимально независимый вид, дескать, в том, что в это не совсем подходящее для марафонских заплывов время я оказался посреди моря, ничего удивительного нет. Проплывал мимо, завернул в гости – с кем не бывает. С величайшим трудом обрета равновесие, я встал в полный рост и осмотрелся. Это была типичная азиатская джонка метров семи длиной, узкая, с высоко вздёрнутым носом, с небольшой деревянной рубкой на корме и навесом из парусины посередине. Меня поразило, что находящиеся на ней люди тут и жили. Под шелестящим балдахинчиком из пальмовых листьев, в картонной коробке из-под бананов, спал грудной ребёнок. Рядом на полу, среди сетей и вороха тряпок, мирно посапывали ещё несколько детей постарше. Тут же на палубе находились какие-то приспособления для приготовления пищи, ящик с посудой и что-то из продовольствия.

К счастью, не пришлось долго объяснять, куда мне надо попасть. Уже через минуту, запустив смешной, неизвестной конструкции дизелёк, причём подвесной, глава семейства в ожидании заслуженного вознаграждения вёз меня в нужном направлении.

По прибытии я щедро отблагодарил своих спасителей: две канистры драгоценной солянки заняли место в неглубоком трюме судёнышка. В дополнение к этому я набил вещмешок сгущёнками и тушёнками, детям дал по плитке шоколада, а

главе семейства – моему спасителю – от избытка чувств... свой телефонный номер во Владивостоке.

И вот я дома, в таком близком, тесном и уже родном уюте своего отсека, куда, честно говоря, уже почти и не надеялся попасть. Как оказалось, в море я провёл почти пять часов, все члены нашей экспедиции давно вернулись на проходящей мимо острова джонке и страшно удивились, узнав, что меня ещё нет. К моменту моего возвращения решался вопрос, чтобы с рассветом сниматься с якоря и искать меня по квадратам, но я нашёлся сам, чему все были несказанно рады. Старпом тоже был рад, но, будучи очень строгим, заявил, что за опоздание на вахту я всё равно буду примерно наказан.

– Никого не волнует, – поучал он, – что с тобой произошло. Есть две вещи, которые ты должен умереть, но сделать: вовремя быть на подъёме флага и вовремя заступить на вахту!

13

Можно ли потеряться на подводной лодке

Прошла неделя, и это моё небольшое приключение постепенно стало забываться. Я старался не думать о том, что могло произойти, не наткнись я случайно на судёнышко моих спасителей. Конечно, меня бы искали. Утром задействовали бы все способные плавать средства, а может быть, подняли и самолёт. Но что толку? За ночь я мог оказаться так далеко

в открытом море, что всё это уже не имело бы смысла. В заступничество высших сил, будучи комсомольцем и идейным атеистом, я тогда не особенно верил. Видение, промелькнувшее в моём воспалённом мозгу, я безжалостно списал на усталость. Но всё равно что-то после этого случая осталось в душе недосказанное, что-то смутило её и заставило встрепенуться. Воистину блаженны минуты, когда коснется души неведомая сущность!

Вернувшись на базу, мы крепко-накрепко привязались к пирсу в надежде на то, что какое-то время нам наконец-то дадут отдохнуть на берегу. После швартовки экипаж строем, с личными вещами, весело галдя, отбыл на берег в казарму. На борту остался дежурный по кораблю (в наказание от старпома за опоздание на вахту им оказался я) и, как обычно, восемь матросов-вахтенных. И это моё первое на новом месте дежурство не обошлось без приключения.

Началось с того, что я три часа не мог найти одного из своих верхних вахтенных, то есть того бездельника, который должен с автоматом на пузе стоять у трапа, кричать «стой, кто идёт» и никого посторонних не пускать на борт. Это только в анекдоте можно быть абсолютно уверенным, что никто и никуда не денется с подводной лодки. Но вот всё как в анекдоте: подводная лодка, матросы, но семь на месте, а одного нет.

Три часа безуспешных поисков. Лично проверены все закоулки на борту, на карачках обследованы все трюма, аккумуля-

муляторные ямы и даже цистерны. Только и осталось, что поискать в кастрюлях да чайниках на камбузе. В том, что Кульков не уходил с пирса, я был абсолютно уверен, так как после отбытия экипажа всё время там находился и никого бы мимо себя не пропустил.

Неужели утонул? Едва в моей голове промелькнула такая мысль, как я тут же почувствовал себя неважно: мой матрос с автоматом и тяжеленным подсумком, в котором шестьдесят патронов (которые, кстати, ещё и числятся на мне!), поскользнулся, упал за борт и лежит сейчас, бедняга, на дне. Я уже вижу тянущиеся ко мне руки его обезумевшей матери: «Не уберёг... Не доглядел!». Сорванные погоны, наручники, суд, тюрьма... И только я собрался было тоже пойти утопиться, как прибежали двое бойцов, отправленных на поиски:

– Нашли? Где? – задохнулся я от волнения.

– В пирсе! Спит!

Как – спит? Не могу поверить. Там же температура как в доменной печи! Пирс же весь железный и за день раскалился на солнце чуть ли не докрасна! Да в нём не то что спать – на него смотреть страшно!

Но, как показало дальнейшее разбирательство, Кульков и в самом деле был внутри огнедышащего плавпирса и действительно там спал. И это вам ещё один пример несгибаемого духа, неслыханной выносливости и богатырского здоровья советских моряков.

Несмотря на допрос с пристрастием, для меня так и оста-

лось великой тайной, где же Кулькову удалось раздобыть выпивку за то крайне небольшое время, что прошло с момента швартовки. Невероятно, но уже через десять минут после заступления на вахту наш герой вместе с бутылкой вонючей хунтотовки оказался в раскалённом чреве пирса, вылил себе в глотку всё её содержимое и тут же, абсолютно счастливый, упал на гниющие в ржавой грязи старые матрасы.

В таком неприглядном виде нами и было обнаружено его уже дымящееся туловище. Кульков, сваленный с ног зелёным змием в двух метрах от своего боевого поста, беспечно спал здоровым сном младенца. Что снилось ему, когда, жмурясь в свете направленного в лицо фонаря, он трогательно сопел и сладко причмокивал?

В том, что Кульков алкаш и скотина, я имел возможность убедиться несколько раньше. Сплавил мне это чудо минёр с соседней лодки, мой однокашник, за что я его потом не раз от души «благодарил». Как обычно, перед выходом на боевую службу лодку начинают снаряжать, как говорится, «с миру по нитке». Помимо всего прочего начинается усиленная доукомплектация экипажа личным составом и, как всегда в таких случаях, всяким сбродом. Оно и понятно: какой же командир добровольно отдаст нормальных матросов, а спихнуть по случаю каких-нибудь уродов – это всегда пожалуйста. Так и мы пару месяцев назад вышли в море с наполовину чужим экипажем, который, как кот в мешке, сами не выбирали.

Как-то во время ежедневного проворачивания оружия и технических средств у меня возникла необходимость промыть кое-какое своё электрооборудование. А чем на флоте обычно оно промывается? Правильно, – тонким слоем спирта. Это когда, замахнув стакан, надо усиленно дышать на обрабатываемую поверхность и тщательно растирать достигающие её пары. Но в те далёкие времена подобного рода высший пилотаж в уходе за вверенной материальной частью я ещё не освоил и был искренне уверен, что весь спирт, выдаваемый для технических нужд, именно на эти нужды и тратится. И никуда больше, упаси Бог! Поэтому, когда в один прекрасный день я появился в торпедном отсеке с полной кружкой спирта, Кульков, учуявший его дразнящий аромат из другого конца помещения, понял, что сейчас произойдёт непоправимое – целая кружка драгоценнейшей жидкости у дурака-лейтенанта будет использована не по назначению и пропадёт самым бездарным образом.

Я тогда ещё не знал о феноменальных способностях Кулькова пить всё, что горит, поэтому, недолго думая, согласился на искреннее предложение помочь. Прибор, который следовало обслужить, находился в узкой щели между лежащими на стеллаже торпедами и ребристым, в кабелях и трубопроводах, левым бортом отсека. Добраться до него оказалось не так-то просто. Это было возможно только через верх, выполнив ряд акробатических упражнений – свесившись вниз головой и приняв одну из мудрёных поз йоги. Именно это

мы и попытались изобразить. Кульков вызвался на дело сам. Я не возражал. Сидя на торпеде, придерживая его за ноги, я передал вниз марлевый тампон и кружку спирта. Немного там повозившись, Кульков резко дёрнулся, хрюкнул и затих.

– Не шибануло ли бойца током! – мелькнула в голове страшная мысль.

Но тревога оказалась ложной. Когда я вытащил Кулькова на поверхность, он оказался в полном порядке – источал на весь отсек неповторимый аромат ректификата, икал и смотрел на меня мутным неузнавающим взглядом. За те несколько секунд, что я держал его за ноги, он, болтаясь вниз головой, умудрился заглотить двести граммов тёплого 96-процентного неразведённого спирта! А после извлечения наверх безапелляционно заявил:

– А теперь делайте со мной что хотите! – смачно икнул и решительно добавил: – Мне всё похеру!

И вот сейчас, глядя на спящего богатырским сном Кулькова, обнимающего пустую бутылку, я задавал себе извечный российский вопрос «что делать?», как правильно отреагировать на такое вопиющее, надо сказать, нарушение воинской дисциплины? Оставить без последствий нельзя: скотская натура человека, а Кулькова – в особенности, требует обязательного возмездия за совершённое деяние, иначе – бардак и анархия. Кулькову же, как известно, «всё похеру». Отправив в казарму посыльного с запиской, я предоставил решать проблему «преступления и наказания» вышестоящему началь-

ству.

Пока на берегу принимались судьбоносные для Кулькова решения, он в сумеречном состоянии был извлечён из раскалённого чрева пирса, потом для остужения сброшен в море, выловлен и от греха подальше заперт в галюне центрального поста, который при стоянке ПЛ в базе вполне мог сойти за карцер.

Разобравшись с делами и немного притомившись, я принял единственное правильное решение в ситуации, когда обстановка не ясна, – лечь спать. Устроившись в каюте, вытянув ноги, я наконец-то позволил себе немного расслабиться.

И вот – почти тишина, только монотонный гул работающих приборов. Это невероятно, что рядом со мной никого нет! За последние три месяца я впервые остался один. Никто над ухом не говорит, не хлопают двери, на соседних полках и за переборкой не храпят и не возятся. Никто не мельтешит перед глазами, не лезет с дурацкими вопросами. Я один! Чтобы понять всю прелесть этого состояния, надо безвылазно просидеть в железной бочке, переполненной людьми, хотя бы месяц.

С этими мыслями под шорох вентилятора, гоняющего по каюте горячий воздух, почти счастливый, я заснул, убаюканный его монотонным гулом.

И снится мне сон. Я – курсант первого курса, отпущен в увольнение. Выхожу из ворот училища. Радостное ощущение безопасности и свободы переполняет всё моё существо.

Впереди целый день, и он весь в моём распоряжении! Иду по скверу к остановке автобуса, отдавая честь встречным офицерам и старшекурсникам. Где-то в мозгах, в самой отдалённой извилине, шевелится беспокойная мысль: «А почему я на первом курсе? Я ведь уже был на пятом, уже защищал диплом и получал кортик... Я же офицер – почему опять первый курс?»

Отвлёкшись, я потерял бдительность и не козырнул какому-то встречному офицеру. Тот остановился и неожиданно стал кричать:

– Взять его! Он уже на первом курсе, а честь отдавать так и не научился!

Кто это? Что-то знакомое в облике и интонациях... Да это же Бивень!!!

– Почему самовольно оставили вахту? – ревёт он на всю улицу. – Почему Вы покинули корабль? Патруль! Взять его и запереть в галюне центрального поста!

Кто-то пытается схватить меня за руки, я вырываюсь и бегу. Сзади слышится голос Баранова, моего командира роты в училище:

– Да он вообще антисоветчик, у него в тетради по истории КПСС вместо конспектов переписаны блатные стихи Высоцкого! Его надо срочно высечь... и из комсомола исключить!

– У него бардак на лодке, вся вахта пьяная, а он здесь разгуливает! – сквозь топот ног за спиной вторит ему Бивень.

– А меня утопить хотел, столкнул с пирса, потом в галю-

не закрыл и не выпускает! – кому-то жалуется, всхлипывая, Кульков.

– И политзанятия он проводит формально, а политработников дармоедами называет! – подпевает откуда-то взявшийся замполит.

Топот и крики становятся громче. Меня пытаются схватить, я вырываюсь, бью кулаком, куда-то попадаю... и просыпаюсь.

14

Преступление и наказание

Потирая ладонью ушибленный лоб, в каюте стоит озадаченный таким приёмом матрос-вахтенный центрального поста и, с опаской глядя на меня, докладывает:

– Товарищ лейтенант, там, на пирсе, старпом! Приказал построить вахту!

– Старпом? Здесь? Уже? – пытаюсь я сообразить спросонья и наконец, въехав в обстановку, решительно распоряжаюсь:

– Звони учебную тревогу, «пожар на пирсе», потом бегом по отсекам! Чтобы через минуту вся вахта стояла наверху с инструментами и огнетушителями!

Пока подвахтенные в отсеках продирают глаза и, громыхая пожарным скарбом, карабкаются по трапу наверх, у меня есть немного времени познакомить читателя с новым героем. Звали старпома не совсем обычно – Сергей Гариевич,

бойцы за глаза называли – Змей Горыныч или просто Змей. Надо сказать, что офицер и начальник Змей Горыныч был хороший – грамотный, требовательный и, что немаловажно, справедливый. Собачья должность, конечно, наложила некоторый отпечаток на его характер, но грехом самодурства не страдал. Сколько раз приходилось мне терпеть от него по службе – но чувства обиды не возникало никогда. Человек он также был неплохой. Любил пошутить и был, в общем-то, незлобив. Матросы и офицеры старпома уважали, командир ценил и пытался продвинуть по службе: неоднократно делал представление на звание, ходатайствовал о назначении на должность командира строящейся лодки, но всё безрезультатно. Старпому нашему вот уже второй год как задерживали очередное воинское звание. А всё потому, что не складывались у него отношения с начальством. Ну не везло Горынычу, хоть ты тресни! То в ресторане, защищая честь мундира, вяжется в драку с гражданскими, попадет в комендатуру, там пошлёт по известному адресу коменданта и загремит суток на десять на гауптвахту. То ЧВСа (члена военного совета флота), вице-адмирала, случайно долбо@бом назовёт. То просто совершенно ненароком на тренировках КБР13¹ комбригу на ногу наступит. Да и бурная личная жизнь создавала подчас определенные проблемы.

Как и всякий нормальный человек, старпом имел кое-какие пристрастия. Из двух основных его вредных привы-

¹ Корабельный боевой расчёт.

чек – водка и женщины – последняя доставляла наибольшие неприятности. Хотя и было их, привычек этих, не так уж и много, не больше чем у других, но не везло старпому в этом деле. Обладая всеми вторичными половыми признаками мужчины – машиной, квартирой и приличной зарплатой, старпом постоянно попадал в расставленные сети. Будучи совестливым человеком и по-рыцарски галантным мужчиной, он имел несколько старомодные представления о взаимоотношениях со слабым полом. Одного того факта, что женщина доверила ему самое дорогое, что у неё есть, было достаточным для того, чтобы считать себя обязанным на ней жениться.

Таким образом, будучи ещё курсантом, Горыныч умудрился прослушать марш Мендельсона в официальной обстановке не менее трёх раз! На пятом курсе хотел было ещё, но командир роты запретил. В настоящее время в дополнение к тому, что было в училище, он имел ещё двух бывших жен, платил алименты на троих детей и, похоже, останавливаться не собирался. Ходили слухи, что врач-стоматолог с ПМТО, у которой старпом как-то имел неосторожность полечить зубы, уже заказала с оказией из Владивостока свадебное платье и несколько ящиков шампанского.

Но вот я уже карабкаюсь наверх.

Старпом на пирсе, стоит, переминаясь с ноги на ногу. Вид, как всегда, бравый, улыбка ироничная.

– Товарищ капитан-лейтенант, за время моего дежурства

происшествий не случилось, – докладываю я по форме, – за исключением: напился матрос Кульков, заперт мною в галюне до вытрезвления. Полчаса назад проверял, дышит!

– Ну что ж, пойдём доставать гада! – зловеще ухмыляется старпом и, не дожидаясь, когда, гремя огнетушителями и путаясь в пожарных шлангах, на пирс выбежит вахта, лезет по трапу вниз.

И вот третий отсек, железная дверь импровизированной камеры. За дверью – тишина и неистребимый запах хунтовки. Наш герой, ещё не протрезвевший, но от предчувствия, что его «сейчас будут бить и, возможно, ногами», уже деятельно раскаявшийся, сидит на толчке в мокрой после купания робе и смотрит мутными преданными глазами прямо в душу.

Нависнув горой над готовым втиснуться в унитаз Кульковым, старпом минут на десять разразился речью. Смысл её сводился к тому, что достали дебилы и дегенераты, алкаши и наркоманы, которым приходится доверять оружие и целый боевой корабль с ядерным, между прочим, оружием на борту. А он, тварь конченная, Кульков, – первейший из них, и в назидание остальным дебилам, дегенератам, алкашам и наркоманам сейчас, как фашист под Сталинградом, будет безжалостно уничтожен, а именно – расстрелян на торце пирса. После чего, оставив озадаченного Кулькова переваривать захлестнувший его поток информации, старпом хлопнул дверью и, примостившись за столом кают-компаний

тут же неподалёку, застрекотал на печатной машинке, сочиняя по данному случаю специальный приказ. Вот он:

ПРИКАЗ № 98

командира в/ч №.... п. Камрань

(по личному составу)

04 марта 19... года

4 марта сего года матрос Кульков И.Л. в составе дежурно-вахтенной службы подводной лодки заступил на смену вооружённым верхним вахтенным. Из доклада дежурного по ПЛ следует, что приблизительно в 19:30 матрос Кульков с оружием самовольно оставил пост. Силами вахты был организован его поиск. Через три часа матрос Кульков был обнаружен во внутреннем помещении плавучего пирса пьяным. В результате произведённого разбирательства было установлено, что по приходу ПЛ в базу в 18:30 Кульков путём обмена комплекта рабочего платья, отобранного им у молодого пополнения, приобрёл у местного населения бутылку водки. После заступления на вахту в 19:00 привёл себя в нетрезвое состояние, после чего с оружием в руках оставил пост и, навалив на всё, лёг спать в трюме плавпирса.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Пользуясь особыми полномочиями, даваемыми вышестоящим командованием командирам частей, выполняющих задания Правительства по несению Боевой Службы, за самовольное оставление с оружием в руках поста и за преступную халатность при выполнении своих служебных обязанностей

матроса Кулькова – расстрелять.

2. Приказ привести в исполнение немедленно на торце пирса.

3. Помощнику командира в/ч снять матроса Кулькова со всех видов довольствия, организовать доставку тела по месту назначения.

4. Израсходованные боеприпасы списать с лицевого счёта в установленном порядке.

Командир в/ч

Капитан 2 ранга Камбузов В.М.

В процессе создания данного документа старпом нарочито громко, чтобы слышал Кульков, несколько раз справлялся, достаточно ли у нас патронов к ПМ «для этой сволочи».

– А то в прошлый раз, представляешь, – с негодованием сокрушался он, – на одного урода всю обойму ухлопал, а он, скотина, оказался живучий, пока перезаряжал, куда-то смылся...

Затем с трогательной заботой и участием поинтересовался у Кулькова, куда потом девать его «вонючее туловище»: утопить здесь же у пирса с болванкой в ногах или где-нибудь закопать. После чего поручил мне чистить пистолет, а сам убыл в казарму утвердить приказ у командира и за доктором («При расстреле, – сказал он, – положено»).

Из-за двери слышались судорожные всхлипывания Кулькова. Изобразив на лице максимальную степень участия, я,

как мог, старался его успокоить. Командир, мол, приказ может ещё и не подписать, старпом если сейчас опрокинет стакан-другой, то может и промахнуться, пистолет дать осечку, порох в патронах отсыреть... и т. д. и т. п. Кульков слушал мои увещевания, но почему-то совсем не успокаивался.

– Да и вообще, – сжалился я, – хватит сопли здесь размазывать! Вот тебе бумага и карандаш, пока старпом ходит, пиши на помилование!

Как утопающий цепляется за соломинку, так и Кульков схватился за протянутый ему лист, после чего затих, примостившись возле унитаза, и на его шершавой крышке огрызком карандаша начал кропать какие-то каракули. Минут через десять на свет божий родился следующий документ (оригинальный стиль и орфография тщательно сохранены):

«Командиру подводной лодки от Кулькова.

Товарищ командир я Кульков я севодня (зачёркнуто) меня старпом приказал (зачёркнуто) приговорил. Я спал дежурный меня в воду. Прашу помиловать больше ни буду. Чесно клинусь водку не пить. Прашу прастить или в тюрьму. Спасибо, Кульков».

Когда в сопровождении доктора вернулся старпом, данный исторический документ уже покоился у меня в нагрудном кармане. Кульков в ожидании своей участи сидел на толчке за дверью галюна и то всхлипывал, то в голос про-

тивно выл. Он полностью поверил в реальность происходящего, и в этом раздавленном, трясущемся существе уже невозможно было узнать наглого, заносчивого «годка».

Скоро Кульков был извлечён из своего убежища, выведен наверх и поставлен спиной к воде на торец пирса. Здесь с суровой серьёзностью, смакуя каждое слово, старпом начал зачитывать приказ. Протрезвевший Кульков стоял на краю и трясущимися руками зачем-то безуспешно пытался застегнуть на мокрой робе пуговицу.

– Ну что ж, к делу! – возвестил старпом, окончив чтение, и взял у меня пистолет.

– Доктор, намажь ему лоб зелёнкой. Да побольше пятно сделай, побольше...

Насвистывая под нос вариации на тему похоронного марша, Горыныч начал демонстративно, не спеша снаряжать патронами магазин, потом вогнал его в рукоятку ПМа, снял предохранитель, передёрнул затвор. И тут по сценарию наступила моя очередь.

– Товарищ капитан-лейтенант! Подождите! Тут Кульков прошение о помиловании написал. Не хочет, чтобы его расстреливали. Вот документ, прочитайте!

– Не хочет, говоришь, чтобы расстреливали? Надо же! – искренне удивился старпом. – Что ж ты молчал? Ну-ка... что тут за каракули? – и с серьёзным видом, скрывая предательскую улыбку, вслух зачитал документ, в муках рождённый Кульковым.

– Ну, это же совершенно меняет дело! – просиял старпом так, как будто ему только что сообщили о назначении командиром на новую строящуюся лодку. – Человек обещает встать на путь исправления. Водку – пишет – не буду, в тюрьму хочу. Хотя туда ему, в общем-то, и дорога... Ну ладно, проявим снисхождение, если присутствующие, конечно, не против.

Присутствующие, включая Кулькова, были не против. Доктор, правда, немного разбухтелся:

– А какого чёрта тогда я среди ночи сюда тащился, мальчишка, что ли, нашли? Да и зелёнки вон уже сколько на него извёл! Давайте шлёпнем побыстрее, да и спать пойдём!

Пока я пытался разубедить нашего кровожадного доктора, доказывая ему, что любая тварь, даже такая, как Кульков, достойна снисхождения, старпом принял решение:

– Матрос Кульков! – гаркнул он так, что загудело железо под ногами.

– Я! – еле слышно пропищал тот.

– Так вот, Кульков, – сбавил тон старпом, – принимая во внимание твоё искреннее раскаяние... Ты же искренне раскайся? Или опять врёшь, скотина? – зловеще сверкнул глазами старпом, поигрывая пистолетом.

– Искренне! Искренне! – завизжал Кульков.

– Тогда другое дело, – глубокомысленно изрёк Горыныч, отдавая мне пистолет. – На, минёр, убери от греха подальше, а то вдруг передумаю.

– Что ж делать с тобой, Кульков, – ума не приложу...

Кульков привстал на цыпочках, слегка подавшись вперёд, ловил каждое слово. Всем своим видом он изображал деятельное раскаяние.

– Расстрелять – не хочешь... Может, повесить? Вон и доктор головой кивает. Его же из-за тебя среди ночи с постели подняли. Тебе не стыдно, Кульков?

– Минёр! – обернулся старпом ко мне. – У тебя верёвка-то найдётся? Метров пять, думаю, хватит, – прикинул он, бросив взгляд на крюк ТПУ¹, торчащий на лобовине рубки.

– Что скажешь, Кульков? Хватит?

Кульков глянул на крюк, кивнул, но глаза его наполнились слезами.

– Ну ладно, ладно, не распускай слюни, больно не будет, гарантирую...

– Сергей Гариевич, – вновь принялся я исполнять за адвоката. – Может, немного помягче наказать? Кульков сказал, что жить хочет...

– Хочет??? – снова искренне удивился старпом. – А что же он тогда водку пьёт и воинскую дисциплину нарушает? Нам такие воины не нужны!

– Он сказал, что больше не будет... – не унимался я (моя доброта и человеколюбие порой не имеют границ!).

– Точно не будешь, Кульков? Ну ладно... – сжалился старпом, заметив, что тот находится уже в предобморочном со-

¹ Торпедопогрузочное устройство.

стоянии и чего доброго сам невзначай окочурится.

– Пять суток ареста на гарнизонной гауптвахте! И не благодари. Не слышу ответа! Кульков, мать твою!

– Есть пять суток ареста! – хрипло прошептал Кульков, не веря своим ушам и, гремя костями, рухнул на пирс.

15

Кульков, Штирлиц и беспредел на Красной площади

Кульков не умер. Сто пятьдесят миллионов раз я потом об этом пожалел. Посредством пары подзатыльников и флакона аммиака в нос он был немедленно реанимирован, после чего в сопровождении старпома и доктора убыл в казарму готовиться к завтрашнему перебазированию на местную гауптвахту, в просторечии – на кичу.

Время было уже далеко за полночь. В надежде, что хоть сейчас удастся немного поспать, я спустился вниз. Обессиленный от свалившихся треволнений, добрёл до каюты, упал на нижнюю полку и попытался расслабиться. Сделать это было проблематично, так как сие жесткое ложе имело в длину чуть больше полутора метров, поэтому в классическом положении «на спине» голова среднестатистического лежащего с его 170–180 см плотно упиралась в одну стенку, согнутые в коленях ноги – в другую, и над всем этим нависала лежанка второго яруса. Но даже скрюченный в такой позе молодой и растущий организм требовал здорового сна, который на него незамедлительно и обрушился, едва только голова упёрлась

в прохладное железо переборки.

И опять снится мне сон: Москва, Красная площадь... Я стою в почётном карауле у входа в мавзолей. На этот раз в мозгу, даже в самой отдалённом его закоулке не возникает никакого сомнения в реальности происходящего. И то, что я стою на посту № 1 в своей выдавшей виды синей робе, в чёрной промасленной пилотке, в шлёпанцах на босу ногу и с обшарпанным автоматом на груди, не вызывает у меня никакого недоумения.

Слева по брусчатке мостовой струится знаменитая очередь. Все люди в ней облачены в водолазное снаряжение: ак-валанги за спиной, резиновые маски на головах. Шлёпая ла-стами, они медленно продвигаются вперёд, смешно перева-ливаясь с боку на бок, как пингвины. Группами проходят ми-мо меня в мавзолей и там становятся на борт бассейна. Затем их тщательно пересчитывает уборщица тётя Мотя, анге-льского вида бабулька с мегафоном в одной руке и шваброй в другой, крестит и старушечьим надтреснутым голосом кри-чит в громкоговоритель:

– Все вниз, срочное погружение! Задраить верхний рубоч-ный люк! Погружаться на глубину сорок метров!

– Есть! – дружно кричат водолазы, опускают на глаза мас-ки и плашмя валятся вниз. Слышатся смачные шлепки о бе-тонное дно, звон разбитого стекла и лязг железа. В бассей-не нет воды! Но следующая партия уже становится на пара-пет, баба Мотя пересчитывает счастливых, опять кричит

в мегафон, и действие повторяется.

– Нырять учатся! – доходит до меня. – Было же у нас на физподготовке в училище «сухое плавание», когда перед посещением бассейна все ложатся на пузо и, независимо от того, умеют плавать или нет, под руководством инструктора два часа корячатся на полу спортзала, отрабатывая плавательные движения. Вот, видимо, и водолазам тоже устроили тренировки по нырянию, – совершенно успокаиваюсь я.

По Красной площади бродят странные люди. У всех на рукавах красные повязки с надписью «Патруль». Они ходят, опасливо озираясь по сторонам, отдают честь и проверяют друг у друга документы. Вот под ручку прогуливается влюблённая парочка. У парня в руке открытый «Строевой устав Вооружённых Сил СССР». Пригнувшись к розовому ушку возлюбленной, он с обожанием смотрит на неё и упоённо читает свои любимые статьи. Девушка благодарно внимает и время от времени просит повторить особо понравившиеся строки.

Вдруг мой взгляд привлекает подозрительная фигура. Что-то в ней меня настораживает. Нетвёрдыми шагами по Красной площади движется нетрезвый матрос в бушлате, в брюках клёш и абсолютно мокрый. Словно заправский морской волк, он сжимает в зубах ленточки помятой бескозырки с надписью «Аврора» и, как ребёнок, везущий на верёвочке игрушечный грузовичок, тащит за собой скачущий по брусчатке мостовой легендарный пулемёт «Максим». Ино-

гда он останавливается, достаёт из кармана бушлата бутылку водки, прикладывается, делает глоток, морщится, занюхивает рукавом и идёт дальше.

– Да это же Кульков! – узнаю я знакомый силуэт. – Но его же забрал старпом... Как он здесь оказался?

Тем временем Кульков подходит к Лобному месту и начинает на него карабкаться. Матерясь и натужно пыхтя, он тащит за собой громыхающий по ступенькам тяжеленный пулемёт. Расположившись на историческом памятнике, Кульков громоздит на парапете тупорылый «Максим», ставит рядом бутылку водки, гранёный стакан и откуда-то взявшуюся красную трибуну с гербом СССР. Потом достаёт из кармана мятую бумажку, тупо глядит на неё, разглаживает, переворачивает вверх ногами и, навалившись на трибуну, пьяным, заплетающимся языком, начинает читать:

– Приказ номер один! По офицерскому составу. О награждении участников Бородинской битвы 26 августа 1812 года!

Отхлебнув из бутылки, прокашлявшись и прочистив горло, Кульков продолжает:

– За отличные показатели в боевой и политической подготовке, активное участие в художественной самодеятельности подразделения... ПРИКАЗЫВАЮ: наградить лейтенанта Крутских Юрия Николаевича, а также фельдмаршала Кутузова Михаила Илларионовича, поручика Ржевского Дениса Давыдовича, товарища Бормана Мартина Гансовича и штандартенфюрера Штирлица Максим Максимыча... ме-

далью «Молодой гвардеец пятилетки», почётным дипломом ВДНХ СССР, нагрудным знаком «Воин-спортсмен» первой степени и личным именным оружием – по пулемёту системы «Максим» образца 1910 года каждому. После чего... всех расстрелять на торце пирса... Приговор привести в исполнение немедленно... не отходя от кассы!

Окончив чтение, Кульков шумно высморкался в оглашённый приказ, сложил его вчетверо и бережно положил в нагрудный карман. Затем ещё плеснул в стакан водки, залпом выпил, икнул и радостно возвестил на всю площадь:

– Всем приговорённым к награждению собраться у кремлёвской стены и ждать дальнейших распоряжений! Прошу побыстрее, товарищи. Пулемётчик Ганс привёз новые диски! Вход на дискотеку свободный...

Перед мавзолеем и у трибун начинается какое-то движение. Вот мои любимые актёры Тихонов и Табаков остановились неподалёку и в экстазе трясут друг другу руки:

– Поздравляю, Штирлиц, с высокой наградой, поздравляю, дружище, – гнусавит Табаков голосом кота Матроскина, – вот видишь, Родина тебя не забыла... Высокая честь! Какая награда! Какой подарок! И в исполнение привести – здесь, у Кремлёвской стены, в самом центре России! Какая честь! Поздравляю! Заслужил, дружище, заслужил!

Тихонов скромно улыбается и чешет за ухом белого Бима чёрное ухо, прислонившего пятнистую голову к его ноге и радостно молотящего хвостом, как пропеллером.

– Ну что ж, пойду, пожалуй, – говорит Тихонов, – а то вдруг без меня начнут, неудобно как-то... Ганс вот диски, говорят, привёз... новые. Человек старался... Да, ещё... попрошу Вас, группенфюрер, передать привет всем нашим. Пастора Шлага найдите в горах и закопайте, то есть... похороните... с почестями, а бедняге Айсману – мои самые дикие извинения. Ну всё, пошел... Не поминайте лихом!

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, – ехидно улыбаясь, выныривает из толпы Броневой-Мюллер...

На лобном месте вновь наблюдается какая-то активность. Вот Кульков, опорожнив одним глотком из бутылки остатки, приставил её как подзорную трубу и, прищулив один глаз, исследует Красную площадь. Вот он навёл свою оптику на меня и остановился. Вот он что-то говорит пулемётчику Гансу, указывая на меня пальцем, тот утвердительно кивает. Вот, недобро поглядывая, Кульков снаряжает лентой свой «Максим». Пулемётчик Ганс, напротив, пребывает в прекрасном расположении духа, подмигивает мне, делает рукой «но пасаран» и мило улыбается. На его пулемёте новый диск уже установлен, он равномерно крутится вокруг своей оси, и, словно с заезженной пластинки, сквозь шум жарящейся картошки, до меня доносится разбитная мелодия немецкой народной песенки «Ауффидерзейн майне кляйне, ауффидерзейн...».

И вот я с ужасом замечаю, что оба ствола направлены на меня и их чёрные зрачки смотрят прямо в живот. У меня на

груди уже сверкают какие-то побрякушки (когда успели прицепить?), а из нагрудного кармана торчит картонка с надписью: «Почётный диплом».

Тут я понимаю, что награждение уже состоялось и сейчас произойдёт непоправимое... Я скидываю автомат и, не целясь, начинаю стрелять. От грохота закладывает уши, дым застилает глаза, автомат в руках дёргается, как живой. У моих ног растёт звенящая горка стреляных гильз. Откуда-то доносятся истерические восклицания Кулькова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.